

МАРИНА ЭЛЬДЕНБЕРГ

КНИГА ВТОРАЯ
ТАНЦУЮЩАЯ ДЛЯ
ДРАКОНА

Марина Эльденберт Марина Эльденберт Танцующая для дракона. Небеса в огне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70034902

SelfPub; 2023

Аннотация

Теарин Ильярской придется принять участие в отборе, чтобы уберечь себя и своего брата. Сразиться за право стать женой дракона без права на победу? Не самое страшное, что можно себе представить. Соперница считает ее серьезной угрозой: так же, как и сестра Огненного дракона, а Ледяной, кажется, имеет на Теарин серьезные виды. Я, Танни Ладэ, создаю ее образ в кадре, и выбор передо мной – зашибись. Довериться мужчине, который обещает сделать меня счастливой, или позволить себе поддаться безумному притяжению. Шаг за шагом, изо дня в день сгорая в пламени Джермана Гроу. Одним пламени на двоих.

Содержание

ГЛАВА 1. ТАНИИ	5
ГЛАВА 2. ТАНИИ	44
ГЛАВА 3. ТАНИИ	91
Конец ознакомительного фрагмента.	128

**Марина Эльденберт,
Марина Эльденберт
Танцующая для
дракона. Небеса в огне**

Танцующая для дракона. Небеса в огне

ГЛАВА 1. ТАНИИ

Ортахарна, Аронгара

Чем я могу помочь дракону?

Ладно, поправочка: чем я могу помочь иртхану, когда люди в нашем мире имеют чуть больше прав, чем барный стул в ресторане быстрого питания?

– Я тебя внимательно слушаю, – сказала, глядя сестре в глаза.

– По закону человеку, пострадавшему от действий иртхана, полагается компенсация от общества иртханов за моральный ущерб. В твоём случае она выражается в достаточно серьёзном денежном эквиваленте, поскольку ты могла лишиться жизни.

Вот теперь я почувствовала, что мои брови подползли куда-то в район стянутых в хвост волос. Не на затылок, но близко к тому, вместе с глазами.

Надо бы хвостик развязать, что ли. А то он так плотно завязан, что я умудряюсь не хотеть спать даже в шесть утра.

– Насколько серьёзном?

Леона назвала сумму, и я поняла, что в ближайшие пару лет мне можно не работать. При учёте того, что я не буду задумываться о том, куда тратить деньги. Вообще.

– То есть я смогу нанять киллера для того, кто должен надеть Гроу таэрран?

Теперь брови подскочили уже у Леоны.

– Прости, – сказала я. – Я не спала уже больше суток и дико перенервничала.

– Взамен денежной компенсации ты можешь обратиться к Совету с любой просьбой. В частности, попросить о смягчении наказания. Этот закон внутренний, и о нем особо не распространяются, – Леона чуть понизила голос. – Но ты имеешь такое право.

Я подавила желание броситься ей на шею.

Вот да, в прямом смысле броситься, потому что сейчас других чувств во мне не осталось.

– Я хочу обратиться к Совету. Прямо сейчас.

– Сейчас не получится, – сестра улыбнулась. – Поскольку у Гроу двойное гражданство, этот вопрос будет решаться на отдельном Совете. Разумеется, если он добровольно откажется от выезда.

Он откажется, почему-то подумалось мне.

Откажется, потому что снимает историю Ильеррской, и вот от нее он точно не откажется. Сама не знаю почему, сейчас эта мысль кольнула какой-то диковатой противоестественной ревностью.

Спать надо больше, ага.

– Точно так же, как участь Мелоры.

– То есть?

– Суд над местрель Ярлис состоится отдельно.

– Погоди, а что у нас было сейчас?

– Предварительное разбирательство. Вынесение приговора на таком уровне никогда не происходит день в день.

– То есть мне надо будет еще каким-то образом попасть на вынесение приговора?

– На вынесении приговора Ярлис ты можешь присутствовать, как пострадавшая сторона. Что касается слушания по Гроу... думаю, мы просто их объединим. Потому что отдельно на него тебя не пустят.

Ладно.

Главное, что я смогу обратиться к Совету с просьбой, остальное детали.

– Мне надо вернуться, – сказала Леона. – Заседание почти закончилось, еще полчаса – и будем свободны. Поедем домой.

А?

– То есть как домой?

– Ты же хотела вернуться в Мэйстон.

– Вообще-то нет. Я говорила, что не уверена в том, что хочу продолжать сниматься, – внимательно посмотрела на сестру.

– И? – она вернула мне взгляд.

– Я остаюсь.

Готовая выслушать много всего интересного, внутренне напряглась, но к моему величайшему изумлению, Леона

просто улыбнулась.

– Я рада.

– У-м-м-м...

Это единственное, на что меня сейчас хватило.

– Я правда рада, Танни. Возможно, я повела себя несколько экспрессивно, когда обо всем узнала...

– Несколько?

– Когда-то я сама была в такой ситуации, – она пожевала губы и бросила на меня быстрый взгляд.

– Ты?

– Да. Был момент, когда я думала, что мне придется выбирать между семьей и сценой. Точнее, между Рэйнаром и сценой, – она посмотрела на меня уже гораздо более пристально. – И я почти отказалась от второго, потому что для меня были очень важны наши отношения. Наверное, это решение было для меня самым тяжелым, но потом я увиделась с коллегами и поняла, что просто не смогу уйти. Не смогу подвести их, даже если это будет значить, что...

Она замолчала, словно подбирая слова.

– Прости, что заставила тебя думать так же. Я просто безумно волнуюсь за тебя, Танни. Возможно, я была не самой лучшей сестрой, потому что отчаянно пыталась заменить тебе маму, и... сейчас тоже, мне все время кажется, что мы стали слишком далеки, потому что живем в разных мирах. Мне жаль, что я не сказала этого раньше, но...

– У меня была самая лучшая в мире мама, – я шагнула

к ней. – А сейчас у меня самая лучшая в мире сестра. Мне тоже жаль, что я не сказала этого раньше.

Второй шаг сделала Леона и крепко меня обняла. Так крепко, что перехватило дыхание, в этих объятиях не было порывистой спешки, как тогда, в палате, и таких сумасшедших чувств, но было нечто гораздо большее.

Уверенность в том, что я больше никогда не стану давиться глупыми детскими обидами просто потому, что она – иртеханесса, а я – человек, потому что мы живем в мирах, которые соприкасаются лишь по касательной, и потому что ее мир никогда не примет меня.

Мы просто семья.

И точка.

Так какое мне дело до остальных?

Отстранились мы одновременно, но неловкости в этом жесте не было.

– Мне действительно надо возвращаться, – сестра кивнула в сторону зала для заседаний. – Попрошу Рэйнара, чтобы он вызвал для тебя сопровождение.

Кивнула, соглашаясь.

Стоп... Какое еще сопровождение?!

Прежде чем я успела озвучить свой вопрос сестре, завывала сирена. Ввинчиваясь в сознание, чуть притихла лишь для того, чтобы сквозь нее пробился механический голос:

– Экстренная ситуация. Код ноль.

Глаза Леоны расширились, со стороны коридора донес-

лись поспешные шаги, если не сказать топот.

– Местра Халлоран...

– Знаю, – она жестом прервала вылетевшего в холл вальцгарда. – Сопроводите мою сестру в отель, в который переехала съемочная группа. Отвечаете, как за меня.

Личная охрана первой леди вытянулась по струнке, а я успела перехватить сестру за миг до того, как она скрылась бы в коридоре.

– Леона! Что значит код ноль?

– Налет, – она отняла руку, на мгновение задержала на мне взгляд: – Множественный. По всей стране.

Да, это определенно многое объясняло. В частности то, что сестра вихрем умчалась в сторону зала заседаний, а меня чуть ли не пинками погнали на выход. То есть не пинками, конечно, но очень вежливо и популярно ускорились, зажав меня между собой, и чтобы не превратиться в вальцгардов хвостик (один на двоих) мне приходилось подстраиваться под их быстрый строевой шаг.

Коридор закончился лифтами, лифты холлом, холл продолжился очередным коридором, и вот я уже дышу свежим утренним воздухом и прикрываю глаза ладонью, потому что поднимающееся над городом солнце слепит, а сирена (снаружи совершенно истеричная) орет в уши так, что хочется пригнуться и заползти куда-нибудь поглубже. Например, в подземное убежище.

В Аронгаре (как, впрочем, и по всему миру), мегаполи-

сы нашпигованы подземными убежищами на случай, если драконы все-таки войдут в город. Подозреваю, что и сирену такой отвратительной сделали именно для того, чтобы всем срочно хотелось сныкаться под землю. На уроках по гражданской обороне нас учили дружно спускаться под школу, не создавая паники, помогать младшеклассникам в экстренных ситуациях и прочая, прочая, прочая.

– Эсса Ладэ!

Меня проворно запихнули во флайс.

Так проворно, что опомниться не успела, и нет, поклясться могу, что просто подтолкнули на заднее сиденье, но я на него аккуратно свалилась, как малыш с горшка в мамины руки. В следующую секунду флайс уже скользнул в воздушный рукав и на верхнюю аэромагистраль.

К счастью, здесь этот сиренов вой хотя бы немного глушило, потому что после бессонной ночи у меня от нее глаз дергался. Я бы прилипла к стеклу, но слева и справа маячили широкие плечи Леониной охраны, поэтому оставалось только вглядываться в то, что творится в городе, поверх них. Пустоши отсюда казались далеким горизонтом, но я все равно видела вырастающие над ними точки. Малюсенькие такие, с тонкими ниточками хвостиков и крыльев.

Отсюда малюсенькие.

Первый и последний налет в моей жизни случился в Мэй-стоне (точнее, налета как такового не было, была провокация против Рэйнара, как мне потом объяснила Леона). Но то, что

творилось сейчас, я определенно понять не могла.

Налет по всей стране.

При мысли об этом желудок противно сжался, а по спине побежал холодок. Жаль, мы с сестрой очень мало говорили о драконах. Жаль, что мы с ней вообще очень мало говорили.

И что сейчас творится в Мэйстоне?!

Ведь Рэйнар и Леона здесь.

– Да, – резкий голос вальцгарда справа вывел меня из мыслительного транса. – Понял.

– Что случилось?

Я развернулась к нему, но он по-прежнему демонстрировал мне волевой профиль.

– Это не для ваших ушей, эсса Ладэ.

– То есть моя сестра вам что-то сказала, и это не для моих ушей?

Вальцгард повернулся ко мне. Наградил меня цепким ледяным взглядом и ответил, чрезвычайно выразительно и доходчиво:

– Да.

После чего отвернулся, демонстрируя мне выбритый под единичку затылок.

Мне захотелось сказать ему что-нибудь очень вежливое, вместо этого я тоже отвернулась и сквозь другой профиль уставилась в окно. Аэромагистраль огибала пустоши по касательной, и сейчас я отчетливо видела драконов, кружащих на границе с городом. Отсюда они казались игрушечными,

но игрушечными они не были, с каждой минутой их становилось все больше и больше. Огромные, мощные звери парили над землей, то взмывая к небесам, то уходя вниз. Что там внизу, я видеть не могла из-за небоскребов, мимо нас с мигалками пронеслись боевые машины, бронированный кортеж правящего, следом еще несколько флайсов, а потом мы ушли на ответвление магистрали, к центру.

Дорога закончилась внезапно, рядом с отелем, аркой вырастающим над Ортахарной.

Люди гроздьями висели на балконах: ну как гроздьями, каждый на своем, из-за этого издалека создавалось чувство, что на фасады здания наляпали любопытные бусины.

Мы опустились на верхнюю парковку, на которой несмотря на раннее время творилось столпотворение. Служба безопасности отеля явно отрабатывала месячную норму служебных обязанностей, потому что сквозь яростные крики доносилось ровное, спокойное, почти механическое:

– В воздух сейчас нельзя.

– Нет, эсса, телепортационные залы все равно не работают.

– Прошу прощения, но воздушные рукава заблокированы до особого распоряжения.

Звезда рулю, подумалось мне, когда мимо нас пронеслась какая-то растрепанная дамочка, набросившаяся на беспосника с воплем, еще более диким, чем вой сирены, требующая немедленно выпустить ее на аэромагистраль. Лысого парня,

любителя качаться в тренажерке, оттесняли от флайсоцикла трое, пока что успешно.

Сквозь эту суету меня бодро протащили аккуратно к верхнему холлу, раздвижные двери поехали в стороны, когда за нашими спинами раздался истошный визг, мгновением позже перешедший в многоголосый рев, какой бывает на стадионах во время победы любимой команды по гратхэнду. Обернулась: теперь все взгляды были устремлены на дисплеи мобильных.

– Дали прямой эфир! – возбужденно завопила пытавшаяся прорваться к флайсоциклу гора мышц, потрясая смартфоном. – Глядите, сколько их там!?

В следующий миг меня уже втолкнули в верхний холл, сквозь вой сирены и орущие голоса раздалось удаляющееся рычание динамиков. Внутри, не считая приглушенной прямой трансляции и возбужденного голоса дежурного администратора, которая говорила по телефону, было относительно тихо. Статуями застыли безопасники, только у дальнего диванчика мужчина нервно теребил ручку аэрочемодана, даже не додумавшись отключить ему парящий режим.

– ... работает совсем рядом! – донеслось до меня взволнованное, впрочем, заметив нас, девушка тут же попрощалась и развернулась к нам. Нервно поправила светлый завиток, падающий на лоб из идеальной прически.

Возможно, она и пыталась быть спокойной, но широко распахнутые глаза и подрагивающие губы выдавали ее вол-

нение.

– Добрый день, чем я могу помочь?

– Доброе утро, – опередив открывший рот «затылок», сказала я. Терпеть не могу, когда говорят за меня, даже такие крутые нянечки. – Мне нужен номер...

– Сожалею, но сейчас заезд невозможен.

На стойку легло удостоверение сотрудника службы безопасности Председателя, и девушка изменилась в лице.

– О... – сказала она. – Прошу прощения. Номер...

– Для эссы Ладэ. Ее съемочная группа переехала в ваш отель сегодня ночью.

Администратор изменилась в лице еще сильнее, и я подумала, что ладно, пусть говорят. У них это как-то лучше получается.

Девушка забрала мои документы, коснулась карточкой сканера, а потом подняла на меня взгляд:

– Для вас уже готов номер, эсса Ладэ.

– То есть как?

– Его забронировал эсстерд Гроу, – администратор выложила на стол ключ. – С правилами техники безопасности на случай налета...

– Знакомы, – произнес вальцгард, и меня под конвоем направили в сторону лифтов.

Наверное, это немного ненормально, думать о таком, когда над городом крылатая паника, но я почему-то думала.

О том, что Гроу забронировал для меня номер.

Хотя не мог быть уверенным в том, что я вернусь.

Неожиданно для себя (а особенно для вальцгардов), я развернулась и резвой прытью рванула обратно к стойке. Администратор не успела даже отключиться (она снова говорила по телефону, не сводя взгляда с экрана настенной плазмы), когда я подалась к ней:

– В каком номере остановился эстерд Гроу?

Если побледнеть можно еще сильнее, девушке это удалось.

– Простите, эсса Ладэ, мы не даем такую информацию...

– Мне нужно переговорить с режиссером фильма, в котором я снимаюсь. Срочно, – я доверительно подалась еще ближе. И лучше бы ей заговорить быстрее, потому что моих конвоиров никто не отменял, а я дико устала и все такое.

– Вы же понимаете, что я не имею права...

– А если подумать? – я сдвинула брови.

Надеюсь, что у меня получилось хотя бы отдаленно похоже на Леону, потому что сдвинутые брови – это не совсем тот жест, который мне удастся на сто процентов. Надо будет перед зеркалом потренироваться, что ли.

– Я думаю, что в качестве исключения...

Да, наверное получилось.

– Его номер на вашем этаже, один пять девять пять один. Хорошо быть сестрой первой леди.

– Чудно. Спасибо большое, – сказала я и добавила: – Вы забыли вызов отбить.

Как раз в тот момент, когда мои сопровождающие достигли пределов моего личного пространства, администратор произнесла:

– Эссерда Гроу все равно у себя нет, эсса Ладэ. Он уехал, как только включилась сирена.

Куда?!

Я чуть было не озвучила этот вопрос во всеуслышание, вместо этого только кивнула и под хмурыми взглядами вальцгардов зашагала обратно к лифтам. Мужчина с аэромоданом прилип к дисплею мобильного, судя по вытаращенным глазам, там происходило что-то из ряда вон. Невольно потянулась к своему, но вспомнила, что экран окончательно превратился в паутинку и пошла быстрее. В номере будет плазма, там все и узнаю. И вообще, есть что-то парадоксальное в том, что сестра первой леди обо всем узнает из новостей.

Как-то это ненормально, что ли.

Куда все-таки мог уехать Гроу?

Сейчас, когда все закрыто, хотя зная его, для него это не проблема.

В номер вальцгарды ввалились вместе со мной, с такими суровыми лицами, словно за каждой шторкой сидело по наемному убийце, я же первым делом нашла пульт и включила визор.

Драконов и правда была тьма тьмущая, такое ощущение, что все пустоши вышли на демонстрацию. Кордон вальцгар-

дов на границе щита, зависшие между смотровых башен боевые флайсы: камера, разумеется, была чуть в отдалении, но выглядело все равно жутко. В таком ракурсе было отчетливо видно, как драконы уходят ввысь, а потом пикируют и стремительно проносятся над землей, вздымая клубы пыли.

– Мы все сейчас в недоумении, – возбужденно вещал репортер. – Такого количества драконов жители современной Ортахарны не видели даже в кино. Местр Крайсман отказался пока комментировать происходящее, а из того, что мы видим, пока ничего не ясно. Остается только надеяться, что в самое ближайшее время все разрешится.

Показали кортеж правящего, в записи, разумеется, летящий на всех парах к пустошам, я же выключила звук и выбрала в меню «Соларс Ван» – главный канал Мэйстона, а с некоторых пор и всей страны. Картинка разделилась на две части, обозначенная полосой границы. Стоило увидеть родные острова, как внутри что-то дрогнуло.

Подозрительно остро.

– Насколько нам стало известно, только что был открыт телепорт для Председателя Совета и Первой леди, – светловолосая репортер, в отличие от своего постоянно оглядывающегося коллеги из Ортахарны, смотрела исключительно в камеру. – Для жителей Мэйстона это значит только одно: сейчас они под защитой...

Мне было не привыкать смотреть на сестру через глазки камер, но именно в эту минуту я ощутила странную гор-

дость. Осознание того, что несмотря на чрезвычайную ситуацию, Леона и Рэйнар по-прежнему являются для аронгарцев воплощением защиты, заставило эту гордость взлететь до небес. Как крупный красный дракон на заднем плане.

– Пока что мы не знаем, что происходит, – продолжала диктор, снова переключаясь на прямой эфир и замершего в ожидании репортера. – Эйна?

– Это удивительно, но кажется, драконы даже не думают нападать! Их много, но они... просто летают?

А ведь и правда. Если присмотреться, драконы не пытались дышать огнем или рычать, они просто кружили на границе пустошей, обтекая город до той грани, которую выстроил щит.

– Удивительно, – подтвердила диктор, которая, судя по голосу, не разделяла оптимизма коллеги. – Что же, в любом случае нам остается просто ждать. Местр Халлоран и его супруга сейчас на пути к границе...

– Да, и кажется, это первый случай, когда Первая леди выходит в пустоши вместе со своим мужем...

– В нашем случае отнюдь не первый. Все мы помним события, когда местр Халлоран, будучи еще не Председателем, а правящим, защитил город во время взрыва на Лаувайс, обернувшись драконом. Если не ошибаюсь, тогда его будущая супруга тоже была рядом с ним.

– Да, это был двойной оборот, именно поэтому мы все знаем, что сейчас наш город в надежных руках...

Где Гроу?

Какого-то дракона эта мысль не давала мне покоя.

Я выключила звук и поняла, что по-прежнему стою в этих идиотских туфлях на шпильке. Сбросила их пинками, направилась к балкону, но дверь мне преградили два мощных тела.

– Не сейчас, эсса Ладэ.

– Я что, свежим воздухом не могу подышать?

– Не сейчас.

Заело его, что ли?

Развернулась, пнув ни в чем не повинную туфлю (совершенно случайно, разумеется), и плюхнулась на диван. Мне надо было чем-то себя занять, а чем-то себя занять... нет, я не собиралась танцевать на перилах, больше того – я была не уверена, что во мне хватит сил даже на прогиб, но мне сейчас хотелось хоть что-то делать.

В ту минуту, когда я об этом подумала, пиликнула система внутренней связи.

Ответила я через вмонтированную в подлокотник панель.

– Я подумала, что вы захотите узнать, эсса Ладэ, – голос администратора, – эсстерд Гроу вернулся.

Да.

Хорошо быть сестрой первой леди.

– Спасибо, – ответила я и отключилась, после чего развернулась к вальцгардам.

– Мне нужно прогуляться до соседнего номера. Надеюсь, это я могу сделать одна?

– Нет.

Откуда я знала, что ответ будет именно таким?

– Здесь два шага, – напомнила я.

– Нет.

Драконьего навоза вам в трусы промышленными ковшами.

– Ладно, – скрежетнула зубами. – Но поговорить с эстердом Гроу наедине вы мне позволите?

Если он сейчас скажет «нет», я его покусаяю.

– Да.

Ладно. Живи пока.

Глянула вниз на свои «полосатые» чулки и направилась в ванную, их снимать. Учитывая, что мой багаж пока еще не доехал, выбора у меня не было: либо костюм, либо без костюма. Выразительно посмотрела на свое отражение, бледненькое такое, с круглыми от недосыпа глазами, под которыми обозначились темные круги. Почему-то подумалось, что если драконы ворвутся в город, меня они не только не сожрут, но еще и накормят.

Подумала немного и распустила волосы.

Непонятно зачем.

Решила завязать обратно, но потом плюнула и просто ополоснула лицо водой.

В конце концов я просто поговорить иду, а не на свидание. Какое еще свидание?!

В семь часов утра, под бодрый вой сирены.

Разозлившись на себя окончательно, вылетела из ванной, вбила ноги в жуткие туфли и направилась к двери. Номер один пять девять пять один, если верить голографической интерактивной карте, высветившейся над ключом, был сразу за поворотом. Расстояние до него я пролетела с прытью, достойной ушедшего в пике дракона.

– Спасибо, что подхватил. Я уже думала, что застряла надолго.

Меня бы кто подхватил, подумалось мне.

Потому что рядом с Гроу стояла не кто иная, как Сибрил-ла Ритхарсон.

Ледяной голос Ферверна. Иртханесса, всемирно известная певица, чей голос считается вторым по силе после сопрано Леоны. Исполнительница хита «Ледяная буря», пронесшегося по миру и прочно засевшего в чартах.

Или застрявшего, как ее исполнительница где-то там. Почти.

Рука Гроу сползла с ее талии на пятую точку.

Чтоб ты застряла!

А заодно с ней и ты, драконоозабоченная особь мужского пола.

К счастью, меня не увидели, поэтому назад я отпрянула резво и так же резво влетела в мощные корпуса моего сопровождения.

– Назад, назад, назад! – беззвучно заорала на них, махая руками.

Искренне стремясь слиться с окружающей меня обстановкой.

Обстановка никак не желала со мной сливаться, потому что кремовый костюм кляксой выделялся на фоне темно-бордовых вставок.

– Танни? – голос Гроу.

Этот голос отключил инстинкт самосохранения, и я вписалась в охрану на полном ходу.

Кто говорил, что от камня нельзя спружинить? Очень даже можно. Я отскочила от них, как мячик от стены, чтобы угодить в зубы виара.

То есть дракона.

То есть драконов.

– Здравсьте, – сказала я, обернувшись к ним. – Доброе утро. Мы тут гуляем.

– Гуляете?

Взгляд Гроу прокатился по мне и задержался на охране, вырастающей за моей спиной.

– Ну да. Не спится как-то, это все... что там творится, дико переживательно. Просто вау и ух! – я сцепила пальцы на бедрах и тут же их расцепила, выразительно приподняв брови: – А вы что делаете?

По степени идиотизма этот вопрос потянул бы на высший балл.

И так понятно, что в его номер Сибрилла Ритхарсон поднялась не для того, чтобы налет обсуждать. Этаким шаблон

с обложки модных журналов: волосы инеевым шелком струятся по спине до самой талии, темно-синее платье натягивается во всех стратегических местах даже при развороте плеча. Р-раз – и готово, задница как мячик в тренажерном зале, сиськи как спелая маларрнела.

Кто-нибудь мне подскажет, как некоторым девицам это удастся: двадцать шесть часов в сутки выглядеть идеально? Я даже если ресницы крашу, у меня через два часа одна загнетса влево, другая вправо, а сквозь контурный карандаш помада трещинками расходится от губ, как солнце лучиками. Не говоря уже о том, что меня ни один лак для волос надолго не берет, из-за чего Гелла ругается страшными словами.

– Я оказалась в Ортахарне в тот момент, когда закрыли все воздушные коридоры, а Джерман меня выручил.

Джерман.

Как мило.

– Да, Джерман вообще любит выручать женщин, попавших в неловкие ситуации.

Язык мой мне в задницу, что я несу?!

– Правда?

Сибрилла холодно улыбнулась, обнажив идеальные белоснежные зубы.

Наверняка стоматолог просто озолотился, чтоб ей икалось и пукалось. И вообще, надо ее было на роль Хеллирии пригласить, идеальное совпадение.

– Ну в общем, вы тут располагайтесь, и все такое, а мы дальше пойдем. Мальчики, за мной!

Не знаю, кто очешуел больше – «мальчики» или Гроу со своей помесью драконессы с ледяной горкой, но по коридору мимо них я прошла, высоко вскинув голову в полных непонятках, куда иду. Очень надеюсь, что за следующим поворотом коридор не заканчивается.

– Танни.

Дракона твоего за ногу!

– А?

Я обернулась, встречая темный взгляд. Такой, который даже сквозь пелену какого-то странного отупения на меня действовал, как плавильная установка на залитый в котелок металл.

– С тобой все в порядке?

– А что? Не заметно? – сложила руки на груди и кивнула на вальцгардов.

Гроу прищурился.

– Ты уверена?

Уверена, уверена, более чем. И вообще, иди, тебя уже твоя ледянецца заждалась, того и гляди начнет похрустывать и снежинками сыпать.

– Слушай, мы с тобой уже все выяснили, разве нет? Ты попросил определиться, я определилась. Я играю Ильеррскую, ты снимаешь кино. Все просто.

У Гроу дернулись зрачки. Едва уловимо так.

– Не вопрос, – сказал он. – Будь на связи.

Развернулся и направился к своей блондинистой ледяной горке, а я продолжила путь в никуда. В никуда, потому что внутри все переворачивалось, хотелось пинать стену или колотить по ней кулаками. Можно головой Сибриллы, но это уголовно наказуемо, да и вообще как-то не по-женски.

Три ха-ха.

Кого я обманываю?

Женщины – это девицы вроде Сибриллы, у которых каждый ноготок идеальностью отливает, а я (Танни Ладэ) – социально опасный элемент (как сказала бы моя бывшая директриса), на которую парни западают исключительно если у них с головой не в порядке.

Так, все.

Глубоко вдохнули, глубоко выдохнули.

Успокоились, развернулись, и назад. В номер.

К счастью, ребята мне попались понятливые, и не стали задавать вопросов, развернувшись следом за мной. Только оказавшись за дверями, я глубоко вздохнула и пояснила:

– Передумала. Спать дико хочется.

Выражения лиц вальцгардов, которые в принципе не менялись, можно было, наверное, отнести к скептическим. Или к тому, что они мне поверили.

По большому счету мне было без разницы: сграбастав в охапку мобильный, направилась было к ванной, но путь мне преградили снова.

– Не сейчас, эсса Ладэ.

– То есть в душ мне тоже сходить нельзя?

Во время потенциальной угрозы налета, да.

Только сейчас я вспомнила про то, что творится за окнами, о том, что все нормальные люди прилипли к визорам, потому что решается судьба страны, и все такое. Но где люди нормальные, а где Танни Ладэ. Которая первым делом побежала к Гроу, потому что поверила, что...

Во что я, собственно, поверила?

Самка оцехарры в брачный период и то умнее.

В ту минуту, когда я так высоко оценила собственные умственные способности, мой телефон разразился надрывным треньканьем. Иначе это конвульсивное дребезжание обозвать было нельзя, но в какое из бесчисленных по счету падений у него пострадали еще и динамики, я уже не помнила. Понять, кто звонит сквозь бесчисленные трещины на дисплее было невозможно, поэтому я нажала аварийную кнопку на корпусе.

– Танни!

– Рихт?!

– Танни, ты сейчас где? Можешь говорить?

– Угу. Да, – покосилась на вальцгардов. – Могу.

– Как ты?

В этом вопросе оказалось гораздо больше внимания, чем мне бы хотелось слышать. А может быть, именно столько, сколько мне хотелось, в этом и проблема. Всякий раз, когда

внимание мужчины ко мне переходит определенную черту, я залезаю в пещеру и не высовываю оттуда носа, пока он не сольется в неизвестность. Не говоря уже о том, что обычно случается, когда мне намекают на отношения.

Та-ак. Я сейчас сказала: отношения?!

Не сказала, а подумала, но это дела не меняет.

– Может, зайдешь? – предложила я, пока мне не надумалось что-нибудь еще.

Заходи ко мне в пещеру, будем набликов считать.

Примерно как Гроу с Сибриллой.

Да чтоб меня! Никаких больше внерабочих мыслей о Гроу, особенно когда я говорю с Рихтом.

Тем более что предыдущий разговор мы так и не закончили.

Или поцелуй. Хотя я не была уверена, что сейчас в состоянии что-то заканчивать.

– Погоди... ты что, в отеле?

– Да.

Я назвала номер, и Рихт тут же отключился.

Кто бы мне вообще сказал, что я творю?

Вальцгарды по-прежнему неподвижно застыли у двери, а вот я прошлась по диагонали из угла в угол. Все отельные номера похожи, как братья-близнецы, ну если не считать ВИПов, или Председательского номера, например. Там могут быть варианты, в основном же меняется только цвет стен, обивки мебели и толщина стекла. Как толщина моей

выдержки, которая сейчас трещала по швам и обещала... ничего хорошего она не обещала. При воспоминании о руке Гроу на заднице ледянеессы все внутри переворачивалось, покрывалось корочкой льда, впивающейся в сердце ледяными иглами, а потом вскрывалось и било огненным фонтаном.

По голове, ага.

Никогда еще я не была настолько близка к тому, чтобы побить посуду (из бара, например). Удерживало только присутствие вальцгардов.

Запоздало подумала о том, что надо было Рихта о них предупредить.

Он, конечно, знает, что я сестра Первой леди, но к такому в принципе сложно подготовиться. И еще сложнее к тому, что произошло. А ведь я до сих пор не представляю, что он думает по поводу случившегося. В зале для заседаний фигурировало исключительно «свидетельские показания», записи опроса съемочной группы были разосланы правящим до начала процесса, и видимо, они с ними ознакомились заранее.

В отличие от меня.

Точнее, мне никто и не предлагал с ними ознакомиться.

Стук в дверь прервал мои размышления, а голос Рихта, дверь которому распахнул один из моих телохранителей:

– Как... – прервал суровый взгляд вальцгарда.

– Это мой коллега, Рихт Паршеррд, – пояснила я и добавила. – Это моя охрана. Надеюсь, тебя это не смущает.

– Меня сложно смутить.

В следующую минуту Рихт уже шагнул ко мне и порывисто обнял.

А вот меня можно, как выяснилось. Я осторожно уперлась ладонями ему в грудь, хотя в его объятиях было уютно. Возможно, именно поэтому и уперлась, потому что никак не могла понять, что мне с этим делать.

– Танни, как же я рад тебя видеть, – произнес он, вглядываясь в мое лицо. – Что там произошло?

– Ну, я...

– Эсса Ладэ не имеет права разглашать информацию о произошедшем.

А?

Я немножко очешуела, настолько немножко, что даже забыла о сильных руках Рихта на моей талии.

– Не поняла?

– Вы подписали соглашение, в котором обязуетесь не разглашать события прошлого вечера и всего, что происходило в стенах Ангэр Хайт.

Нет, что-то такое я конечно подписывала, перед тем как началось заседание, но...

Этот стриженный под единичку уже начинает меня раздражать.

– Эта информация касается только Совета, и на Совете будут решать, как ею распорядиться.

А?!

То есть мне никому нельзя сказать, что Мелора сбросила меня с балкона?!

И что, простите, мне тогда говорить?!

– А если скажу?

– Аннулируется ваше право на компенсацию.

О-че-шу-еть!

– Неважно, – негромко произнес Рихт, вторгаясь в калейдоскоп лютой нецензурщины, которая сейчас крутилась у меня в голове. – Я здесь не за этим. Главное, что с тобой все хорошо.

Ну да, главное, а не главное – что? Что они собираются сообщить миру? Что я запрыгнула на перила и случайно поскользнулась?

Потрясающе.

– Танни, – негромко напомнил о себе Рихт.

– Супер! – выдала я, наконец, когда подобрала цензурное слово. Вывернулась из рук Паршеррда и выразительно посмотрела на вальцгардов. – Вы обещали мне приватный разговор.

Они не двинулись с места.

– Обещаю, что не стану ничего разглашать.

Вальцгарды не пошевелились, а вот Рихт шагнул к ним. Не знаю, как ему это удалось, но режим Даармархского включился на раз, словно внутри современного харизматичного парня повернули переключатель «иртхан классический, убойный, лидер высшая категория». Вот этот взгляд, по

крайней мере, ни с чем не спутаешь.

– Я хочу поговорить со своей девушкой. Оставьте нас ровно на пять минут.

Два столпа моей безопасности дрогнули, в смысле, развернулись и вышли. Честно, я бы на их месте тоже вышла, уж очень это напоминало приказ. Или что-то вроде.

– Слушай... – сказала я, когда Даармархский, то есть Рихт, развернулся ко мне. – Ты это...

И тут до моей туго думающей после бессонной ночи головушки дошло:

– Со своей девушкой?!

– Должен же я был что-то сказать, чтобы сдвинуть их с места, – Рихт как-то странно на меня посмотрел.

Мне же захотелось провалиться сквозь пол до самого убежища. Картина «проваливания» оказалась настолько яркой, что по коже прошел мороз, а комната качнулась перед глазами. С недосыпа, наверное.

– Я не выпалась, – заявила я, стратегически отступая к дивану. Если падать, то на мягкое и невысоко. – Так что...

– Так что?

– Поэтому до меня туго доходит, и я несу непонятно что.

– Дракона с два, – перебил меня Рихт. – Это я несу непонятно что.

Он шагнул ко мне так стремительно, что я даже опомниться не успела. Обхватил ладонями мое лицо, целуя в губы, настойчиво, но мягко, без лишнего напора. Не желая отпус-

кать, но позволяя отстраниться.

Я же отстраняться не захотела. Последние несколько дней вышли настолько насыщенными, не говоря уже о бодром полете вниз головой, что в этот поцелуй я просто упала. Подхваченная ветром и сильными руками, взмыла ввысь, когда в напряжение плеснуло тепло. Спокойное, как сила обманчиво-легкого прикосновения пальцев к моим щекам.

Уверенное, мужское.

Разогрев случился стремительно и так неожиданно, что я на миг утратила чувство реальности, когда хрипло вздохнула ему в губы. Хрипло и так отчаянно-остро, что голова закружилась еще сильнее, и это слегка отрезвило.

Я дернулась в его руках, и Рихт вздрогнул вместе со мной.

Точнее, как продолжение меня, отпуская мои губы, но не лицо.

– Прости, – глубоко произнес он. Так низко, что внутри меня что-то тут же отозвалось желанием углубить и продолжить.

– Ты сейчас за поцелуй извиняешься? – фыркнула, стирая это короткое ощущение. – Или за то, что назвал меня своей девушкой?

– За то, что сделал это не вовремя, – Рихт смотрел мне в глаза. – Я просто... когда узнал о том, что случилось, чуть с ума не сошел. Танни.

В том, как он назвал мое имя, точно было что-то неправильное. Хотя бы потому, что к коллегам так не обращаются,

а вот к девушкам – вполне.

– Я тоже чуть с ума не сошла, когда это случилось, – хмыкнула я.

– Все шутишь, – Рихт коротко улыбнулся.

Устало, но как-то светло и спокойно. Под глазами у него залегли глубокие темные круги, и до меня внезапно дошло, что он тоже не спал всю ночь.

– А что мне еще остается? Теперь вся съемочная группа считает меня слетевшей с катушек экстремалкой.

Обманный маневр «как задать неудобный вопрос» в действии.

– Танни, никто знающий тебя не поверит в то, что ты могла оступиться.

Как тактично он это сказал!

– И уж тем более в то, о чем говоришь ты.

– Никто?

– Никто, – серьезно повторил Рихт.

Опомнившись, он убрал руки, но не отодвинулся.

– Это радует, – привычная свобода не принесла облегчения и желания отступить на пару шагов – тоже. Не говоря уже о том, чтобы залезть в пещеру. – Потому что сам слышал...

Я кивнула на вышедших вальцгардов.

Стоило вспомнить. В дверь постучали и со стороны коридора донеслось негромкое:

– Осталась одна минута.

– С секундомером они стоят, что ли? – мрачно поинтере-

совался Рихт.

Мрачно, но с таким лицом, что я не выдержала и расхохоталась. Точнее, мы расхохотались вместе, глядя друг на друга и окончательно стирая неловкость, возникшую между нами после этого странного поцелуя.

Поцелуя во время налета, когда за окнами надывается сирена.

Что может быть безумнее?

– Насчет девушки. – Произнес Рихт, отсмеявшись, и я махнула рукой.

– Забей.

– Нет, – он внимательно посмотрел на меня. – Я действительно этого хочу, Танни.

Вот теперь я залипла.

Учитывая, что чьей-то девушкой я была от силы два раза, и оба раза это закончилось не самым лучшим образом...

– Тебе совсем не обязательно думать об этом сейчас, – серьезно произнес он. – Я просто хочу, чтобы ты это знала.

Открыла было рот, но в этот момент синхронно открылась дверь, и в номер вошли вальцгарды.

Очень вовремя.

– Оставайся, – предложила я, но Рихт покачал головой.

– Тебе стоит отдохнуть.

– Под бодрый вой сирен?

– Не думаю, что это надолго. Аронагара в надежных руках.

– То есть ты сейчас пойдешь к себе и будешь спать, пока за окнами творится непонятно что? – я вскинула брови.

– Ага. И храпеть так, что все драконы от страха разлетятся.

– Так вот оно, секретное оружие Даармархского! – фыркнула я. – Могучий храп иртехана?

– Именно так.

Говорить об истории Ильеррской было куда проще, чем о нас.

О нас?

– Увидимся, Танни, – произнес Рихт, лишая меня необходимости затирать снова вспыхнувшую неловкость. – Я буду ждать.

Долгий взгляд – и Рихт вышел за дверь, оставив меня наедине со своими мыслями. А мыслей было ой как много, в частности о том, что он только что сказал.

Девушка?

Нет, серьезно?!

Нет, серьезно. Это серьезно, а я ни о чем серьезном думать сейчас не способна. В частности, о поцелуе, который почти не помню. Точнее, помню какими-то урывками. У нас с Рихтом все вообще как-то феерично: первый поцелуй – на пике Вдохновения, когда мне удалось первый раз войти в роль, второй я даже почувствовать не успела, потому что Гроу меня утащил во флайс, апеллируя к условиям договора, по которым в общественных местах я обязана появляться

только с ним. А третий...

Третий вот так.

Когда из ощущений во мне остались только теплые губы на моих и желание продолжать.

А ведь я бы продолжила.

Если бы не пять минут, если бы Рихт не остановился, когда я вздрогнула, наверное, рядом с ним я действительно могла бы продолжить.

В ту минуту, когда я об этом подумала, за окнами смолкла сирена.

Молнией метнувшись к дивану, я схватила пульт и нажала им. Первым врубился «Соларс Ван», и виды родного города сопровождались быстрыми словами репортера:

– ... драконы опустились на землю, все как один. Это невероятно!

Небо над пустошами Мэйстона действительно было чистым, ни единой точки.

– Что там происходит, Эйна?

– Ближе нас не подпускают, но, по последним сведениям, местр Халлоран с супругой уже прошли за кордон к драконам.

Камера чуть дрогнула, а в следующий миг на заднем плане появился вальцгард. Скажу сразу, в штатском они выглядят гораздо более приземленными, а в форме – просто отпад.

Стоявший на заднем плане парень мог играть в кино.

Легко.

И я бы смотрела только потому, что он там играет.

Вальцгард что-то сказал женщине-репортеру, а потом отступил в сторону.

– Что такое, Эйна? – несмотря на профессионализм, голос диктора едва уловимо дрогнул.

– Нас приглашают пройти ближе.

Невольно сдавила тонюсенький, как лист чипсов из водорослей, пульт.

Единственная возможность по-настоящему прикоснуться к миру ирхханов для человека – в таких вот коротких репортажах. В том, что они позволяют увидеть и узнать, а позволяют они не так много. История Ильеррской – лучшее тому подтверждение, за такой короткий отрезок сценария я уже умудрилась найти кучу несоответствий. Что будет дальше, даже представить боюсь.

Перед глазами снова возникла рука Гроу на заднице... ну ладно, чуть повыше, Сибриллы, и мне захотелось запустить пультом в ни в чем не повинную плазму. В конце концов, какая мне разница, кого он там лапает? Гроу спас мне жизнь, я спасу его от таэрран, и все. На этом все.

Ах, да.

Еще попутно снимусь в его фильме, и все это время буду терпеть его физиономию поблизости.

Только какой чешуи было это все в холле у водопада?

А что, собственно, было?

Дракона твоего за ногу! Могу я хотя бы сейчас не думать

об этом драконосамце?!

Тем временем репортер с оператором в сопровождении вальцгардов как раз дошли до точки. То есть до точки дошла я, а они до кордона парящих боевых флайсов и строгих шеренг вальцгардов.

— ... последний раз так близко подпускали прессу десять лет назад. Тогда мы стали свидетелями оборота, который считался невозможным, — голос репортера чуть подрагивал. — Свидетелями чего мы станем сейчас, я даже предсказать не берусь...

В ту минуту, когда вальцгарды расступились, у меня перехватило дыхание.

Драконы действительно расположились на границе пустоши, на земле. Рэйнар и Леона выглядели крохотными фигурами, затесавшимися между гигантских чудищ.

Драконы огромные.

В самом деле огромные, у них только глазищи размером с половинку меня, но сейчас, когда сестра с мужем стояли рядом, это не имело значения. Сила иртехана такова, что способна развернуть зверя в сторону пустоши, заставить спать, есть, сидеть, лежать, взлететь в небеса... И сейчас я смотрела на то, как самые мощные существа на планете застыли перед супружеской парой.

Репортер молчала, в руках оператора едва уловимо подрагивала камера, и если честно, я их понимала. И сотрудников «Соларс Ван», и камеру. Видеть такое совсем рядом (учиты-

вая, что людей к драконам не подпускают в принципе), это не для слабонервных.

В следующую минуту Рэйнар и Леона вместе шагнули к паре, расположившейся ближе всех. То, что это пара, я поняла сразу: одно из немногих, чему учат в школе – большая и страшная без гребешка – девочка, большой и страшный с гребнем – мальчик. То, что они сидят рядом, означает, что они пара. Пару драконы образуют раз и навсегда.

– С ума сойти, – выдохнула, наконец, репортер. – Кажется, сейчас мы увидим, как Председатель и первая леди отдадут приказ.

Не отдавая себе отчета в том, что делаю, закусила губу.

То есть одно дело знать, что такое возможно, и совсем другое – видеть. Воздух вокруг драконов колебался густым маревом, раскаленный от температуры их тел, и Рэйнар с Леондой стояли в этой плавающей кислород дымке. Невольно сглотнула, когда их ладони почти синхронно протянулись к зверям. Рэйнара – к мощному, крупному дракону, чья чешуя напоминала по цвету пурпур, а Леонду – к соседствующей с ним, темно-красной самке.

Слов отсюда, разумеется, было не разобрать, но огромные морды склонились перед такими хрупкими на вид людьми... тьфу, иртеханами, а потом в воздух взметнулись огромные мощные крылья. Вспарывая раскаленную дымку, разгоняя ее, звери одним рывком оттолкнулись от земли и вместе взмыли в воздух. От рычания, отразившегося во мне сквозь

динамики визора, камера подпрыгнула так, что часть репортерши съехала из кадра, но вряд ли она сейчас смогла бы что-то сказать.

Шум хлопанья крыльев слился с хрустом каменной крошки: драконы один за другим взлетали и разворачивались, направляясь за удаляющейся парой. Камера в руках оператора растерянно скакала то за ними, то на Рэйнара с Леоной.

– Невероятно, – повторила, наконец, репортер, – это просто невероятно. Местр Халлоран...

Микрофон в ее руках чуть дернулся (видимо, руки дрожали).

– Вы можете объяснить жителям Аронгары, что мы только что видели?

– Пресс-конференция состоится сегодня вечером, – произнес Рэйнар. – Но я хочу, чтобы все аронгарцы знали: они в безопасности.

Репортер продолжала что-то возбужденно бормотать, камера провожала Рэйнара с Леоной к флайсу, а я смотрела на свою сестру и понимала, что наши миры действительно несоизмеримо далеки друг от друга. Мне никогда не понять и не почувствовать их невероятную силу, силу их пламени, способную развернуть сотню драконов, как нашкодивших малышей.

Тайны иртеханов всегда будут только их тайнами, на пресс-конференции мы услышим то, что должны услышать. Об истинной причине будут знать только члены Совета и особо

приближенные.

Так же, как и о том, что со мной сотворила Мелора.

Ой, все.

Не хочу.

Не хочу больше думать о Мелоре, о Совете, вообще думать не хочу.

Пока не выплусь, мне это противопоказано.

– Теперь мне можно в душ? – поинтересовалась у застывших рядом со мной вальцгардов.

– Теперь да.

И на том спасибо. Спасибо, что в номере есть чудесный халат, в который я могу завернуться, потому что моя одежда до меня пока еще не доехала, и когда доедет – неизвестно. А я безумно люблю свою пижамку с виарчиками, между прочим.

Никогда с такой радостью не избавлялась от одежды, как от драконова костюма, из которого выпуталась в считанные минуты. Стоя под душем, запрокинула голову и смотрела на тянущиеся по матовому стеклу капли.

Наверное, к лучшему, что я увидела Гроу с Сибриллой, потому что в том состоянии точно могла бы надеть глупостей. Таких, после которых приходится годами собирать ледяные куски сердца, тающие в руках.

«Ты все слишком серьезно воспринимаешь, – как-то сказала Имери, моя лучшая подруга. – Парни – они как хороший алкоголь, их надо распробовать. Далеко не факт, что те-

бе понравится, скажем, этот сорт тоньяса».

Наверное, она была права, у меня всегда все слишком серьезно.

В частности, поэтому я однажды позволила Лодингеру насажать мне кучу комплексов, с которыми справилась относительно недавно.

Но Гроу не Лодингер.

Он – неразбавленное пламя, однажды прикоснувшись к которому, я рискую обратиться в пепел.

Или подсесть на него так, что мало не покажется.

Мне все равно никогда не стать пламенем, а участь Ибри меня как-то не сильно прельщает. Помимо сего прискорбного факта, девиц Джермана Гроу можно солить, и соленья в Аронгаре не переведутся.

Хотя Сибрилла Ритхарсон не из Аронгары, она из Ферверна.

Очередная иртханесса на жизненном пути знаменитого режиссера.

Или не очередная?

Глянула на свой покоцанный мобильный, понимая, что искать на нем информацию – себе дороже. Да и не собираюсь я ничего искать, потому что оно мне не сдалось.

Я действительно просто играю Ильеррскую.

А он просто снимает кино.

Все просто.

ГЛАВА 2. ТАНИИ

У кого-то утро начинается утром, у меня оно началось ближе к вечеру. Никогда не представляла, что смогу спать в присутствии двух посторонних мужиков. И уж тем более не представляла, что не смогу их выгнать, но когда засыпала и когда проснулась, они по-прежнему стояли у дверей. С теми же самыми выражениями лиц, ни дать ни взять, почетный караул.

– Ребят, вы хоть в туалет сходили? – поинтересовалась я.

Мою шутку никто не оценил, потому что главный окинул меня свежемороженым взглядом.

– А пожрать?

Пожрать, к слову, мне самой хотелось.

Зверски. Учитывая, что я отключилась и бревнышком провалялась в постели десять часов, аппетит у меня сейчас был просто драконический. Надо бы заказать себе много всего в ресторане, но сначала – звонок Леоне.

Я бы даже сказала: звонок Леоне вотпрямщас.

Все просто – это не про меня. В этом я убедилась, когда вышла из ванной и обнаружила вальцгардов на том же самом месте. Нет, я не ожидала, что за время моего отсутствия они испарятся, растворятся или каким-либо еще образом проявят свою активность, но хотя бы сделать вид, что они соби-

раются по домам, можно было?

Или нет?

– Ребят, налет закончился, – сказала я главному.

Про себя я уже решила, что буду так звать парня со стрижкой под единичку. Его суровое волевое лицо и квадратная челюсть, а также ширина плеч в полтора раза больше моей и взгляды сверху вниз как бы намекали. Одним из таких меня сейчас и наградили, в упор.

– Закончился.

– Я не спрашивала. Точнее, спрашивала, но не о том. Я как бы спать собираюсь, вы так и будете здесь торчать?

– Да.

Нет, ну нормально, а?

– Что значит – да?

– Приказа оставить вас одну не было.

Понимая, что у меня был чрезвычайно трудный день, плавно переходящий в не менее трудную ночь, сделала несколько глубоких вдохов и выдохов. Как перед танцевальной разминкой.

– Насколько я понимаю, вы должны были меня защищать во время налета...

– Нет.

Да, далеко мы так не улетим.

Вытащила из кармана халата свою мобильную хромоножку, выразительно на нее посмотрела и сунула обратно.

– Вы можете позвонить моей сестре?

– Нет.

– Это еще почему?!

– Потому что сейчас местра Халлоран занята.

– Это для вас она занята, – заявила я, чувствуя, что во мне кончаются запасы размеренного дыхания. – А для меня свободна всегда. Дайте мне телефон!

– Нет.

Справедливо рассудив, что мне откровенно лениво с ними цапаться, и что Леона скорее всего действительно сейчас очень занята из-за всей этой драконьей суеты, я завалилась спать. А проснувшись, увидела ту же самую картину. Не то чтобы я была против постоянного сопровождения... Хотя нет, я была против! Я была против того, чтобы в мое личное пространство вторгались два здоровенных парня, которые ходят за мной хвостом. И уж тем более я не собиралась с этим жить. Если Леона настолько занята, что за десяток часов не нашла времени отменить приказ, я ей о себе напомню. И о том, что я вообще-то живой человек со своим правом... спать одной! А не когда на меня глазают вальцгарды.

Дисплей отзывался на прикосновения через раз... два, три, но я все-таки доколулась до контакта «Леона-сестренка» и нажала вызов. С десятого раза.

Когда пошел набор номера, облегченно вздохнула – до той самой минуты, пока мне бодрым голосом автоответчика не посоветовали идти подальше. То есть перезвонить позже или оставить голосовое сообщение.

Да чтоб вас!

Я выпуталась из-под одеял, плотнее запахивая халат, и только тут обратила внимание на стоящую в центре комнаты сумку.

Вещички! Родные мои!

Никогда в жизни так не радовалась своим драным джинсам и линялой футболке длиной по пятую точку.

– Выйдите, – сказала вальцгардам, – мне нужно переодеться.

– Вы можете переодеться в ванной.

Я, дракона вашего за ногу, хочу переодеться здесь!

– Не выйдете, значит?

Выражения лиц мужчин однозначно говорили, что нет.

– Ладненько.

Я вытащила присмотренные джинсы и майку, кажется, ту единственную, которую еще не надевала в Ортахарне, треугольник белья, а потом повернулась к вальцгардам спиной и сбросила халат. Кажется, со стороны двери донесся какой-то странный вздох. Судорожный такой, но я не обернулась. Я их просила выйти? Просила. Так что теперь пусть сами пеняют на себя.

Натянула трусики, вошла в джинсы и майку, после чего скинув голову, прошествовала мимо очешувевших мужчин в ванную. Расчесываться, то есть продирать свои лохмы, потому что перед сном мне не хватило сил это сделать, и сейчас они торчали в разные стороны.

Интересно, Сибрилла когда-нибудь так выглядит?!

После душа.

С Гроу.

Рука сорвалась, и расческа бодро улетела в сторону душевой кабины. В который раз обозвав себя самкой оцехарры, резко нагнулась, чтобы ее поднять, и у меня потемнело перед глазами.

«Вниз, – в голове зазвучал голос Мелоры. – Вниз. Вниз... Вниз!»

Реальность начала расплзаться пятнами, уступая место балкону и высоте, поглощающей меня без остатка, голова закружилась, и я поняла, что падаю. Падаю прямо в эту бездонную пропасть раскрывшихся подо мной нижних этажей.

Пальцы судорожно царапнули матовое стекло, и я кулечком повалилась на пол, прямо к расческе. Осознание этого накрыло, когда встроенные светильники перестали кружиться перед глазами двойной каруселью. Светильники, может, и перестали, а вот сердце ухало барабаном, руки тряслись, а по спине струился холодный липкий пот.

Оттолкнувшись ладонями, приподнялась и привалилась к дверце душевой кабины.

Подтянув колени к себе, зажимая в руках расческу, я смотрела на свою растянутую по глянцевой поверхности физиономию с глазами, размеру которых мог позавидовать мультяшный виаренок.

Что это, драконы меня дери, только что было?!

Я в обмороки не падаю принципиально, ну ладно, может и не принципиально, но не падаю же. И какой чешуи у меня радиопомехи в виде голоса Мелоры?

Как-то очень не в тему вспомнились слова Рэйнара о том, что ментальное вмешательство может привести не к самым приятным последствиям. Собственно, поэтому за него и судят так строго, и что он вообще имел в виду, когда говорил о «не самых приятных последствиях»? Мелора вкатила мне отложенный приказ, который считается одним из самых опасных и сложных. Рэйнар объяснял, что отложенные приказы требуют повышенной точности в исполнении, а если Ярлис на тройки училась?

Все эти мысли дружным виарым галопом протоптались по моему и без того далекого от безмятежного спокойствия разуму, и меня снова бросило в холодный пот.

Что будет, если я расскажу обо всем Леоне?

Можно подумать, я не знаю, что. Два мощных парня, которые стоят за этой дверью, возьмут меня под ручки, запихнут в телепорт, а вытолкнут уже в загородной резиденции Халлоранов, в «Скай Стрим». И буду я там до конца жизни виаров в мультики рисовать.

Пока с ума не сойду.

Так, все.

Опираясь о стену душевой кабины, я соскребла себя с пола и ментальным пинком подтолкнула к зеркалу. Ополоснула лицо холодной водой и вытащила зубную щетку. Пока чи-

стила зубы, относительно пришла в себя: по крайней мере, глаза перестали выкатываться из орбит, а непривычная для меня бледность сменилась привычной смуглостью.

Вот, так уже лучше.

Подумаешь, голова закружилась. А я тут уже на десять лет вперед свою страшную участь представила, составила завещание... хотя завещать я могу только Бэрри, и то не факт, что кому-то такое счастье нужно.

Глубоко вздохнула, вернула щетку на место, наведальась в душ.

И спустя пятнадцать минут вышла из ванной с самым независимым видом. Вальцгардам ничего сказать не успела, потому что с воплем:

– Танни-и-и-и-и-и!!! – на меня налетел Ленард.

Я поняла это, когда от заданного парнем ускорения мы чуть не кувыркнулись на диван, а перед глазами мелькнула рыжая вихрастая макушка.

– Воу, воу, полегче, – я с трудом отцепилась от жаждущего обнимашек брата Теарин, точнее, от мальчишки, который его играл, и по совместительству моего друга. Как-то так получилось, что на съемках мы шустро нашли с ним общий язык.

– Танни, я к тебе уже приходил, – заявил он. – Но эти сказали, что ты спишь.

Я покосилась на «этих» и вздохнула.

– Я и правда спала.

– Ты вообще как?! Что случилось? Мне толком ничего не объяснили, просто спрашивали, как ты вела себя на съемках, а потом пришел хмурый Рихт и тоже мне ничего не сказал, поэтому теперь я с ним не общаюсь. Кстати! Ты где была, когда почти случился налет?! Мне предки весь телефон оборвали, хотя связь постоянно пропадала из-за перегрузки сети.

Все это Ленард выдал на одном дыхании, а потом уставился на меня, возбужденно сверкая глазами.

– Ну... в общем, мне пришлось ненадолго уехать.

– Почему?

Я приподняла брови.

– Это государственная тайна.

– Че-го?! – Ленард восхищенно на меня посмотрел.

– Ну или вроде того. В общем, я не имею права разглашать случившееся, поэтому... – я наклонилась к кулеру и налила себе водички, чтобы немного смягчить горло (оно подозрительно чесалось). Помимо «есть» еще и пить хотелось, тоже драконовски. – Я просто стала свидетельницей кое-чего, и об этом нельзя говорить.

– Свидетельницей? Ты знаешь, кто разрушил отель?!

Я поперхнулась водой и закашлялась. Так закашлялась, что Ленарду пришлось хлопать меня по спине, чтобы услышать ответ.

– Нет, – сказала я, когда отдышалась.

– Тогда что? – поинтересовался он. – Ой, забыл... А когда

можно будет говорить?

– Никогда.

– Совсем?

– Совсем.

– Даже по секрету? – поинтересовался он таким шепотом, что я с трудом расслышала, о чем он говорит.

Покачала головой.

– Понимаю, – серьезно сказал Ленард и выразительно мне подмигнул, незаметно дернув головой в сторону вальцгардов. Ну это ему казалось, что незаметно. – Не буду больше спрашивать.

Я мысленно вздохнула. Дернул же меня набл за язык сказать про государственную тайну, ведь не отвяжется теперь. А если отвяжется, то надуется. Как на Рихта.

Кстати о Рихте...

Я вдруг отчетливо осознала, что не знаю, что ответить на его предложение. Не представляю просто. Его слова «буду ждать» уж точно относились не к моменту нашей следующей встречи.

Да-а-а-а, влипла ты, Танни.

Влипла по самую макушку.

И ведь не уверена, что буду спать спокойно, если скажу: «Нет». Просто потому что когда за Лэргом закрылась дверь, я вздохнула с облегчением, а когда за Рихтом... хотела бы я знать, что случилось, когда дверь закрылась за Рихтом.

– Слушай, ты не в курсе, Рихт сейчас у себя? – поинтере-

совалась совершенно не в тему.

– Понятия не имею, – буркнул Ленард и сложил руки на груди так, что футболка с принтом известной молодежной рок-группы натянулась. – Мы с ним не разговариваем.

– Я же тебе сказала, это государственная тайна, – заметила я. – Его наверняка заставили подписать соглашение о неразглашении.

Вальцгард издал какой-то странный звук: не то подавился, не то пытался сдержать скептический смех, я же подумала совсем о другом. Рихт пришел хмурый, так сказал Ленард. Он действительно за меня беспокоился.

И да, он не спал всю ночь.

Потому что это случилось со мной.

– А-а-а-а... – многозначительно произнес Ленард. – Об этом я как-то не подумал.

– Рада, что разрешила твои сомнения. Так что сейчас мы пойдем к Рихту...

Ленард приподнял брови.

– Есть пиццу, общаться и смотреть пресс-конференцию.

Эта идея накрыла меня внезапно. Во-первых, под предлогом помирить Ленарда и Рихта я могу заявиться к нему в номер без каких-либо обязательств. Во-вторых, в номере Рихта не будет вальцгардов, присутствие которых постоянно напоминает мне о случившемся. И в-третьих, я смогу спокойно и рассудительно подумать, сделать выводы и принять решение.

Наверное.

Если спокойно и рассудительно – это вообще про меня.

– Когда там пресс-конференция? – поинтересовалась я, когда мы вышли из номера.

Парень округлил глаза.

– Ты что, не знаешь?

– А должна?

– Ну ты же...

Сестра первой леди, да.

От неминуемого позора меня спас главный, чей голос до-
несся из-за спины, как звучание электронного информатора.

– В двадцать один ноль-ноль по Мэйстону. Или в восем-
надцать по Ортахарне.

Ого. Это значит, всего час остался?

Скажите мне, что вы бы меня разбудили.

– Так... о чем это я... – пробормотала, глядя перед со-
бой. – Ленард, ты вообще знаешь, в каком номере остано-
вился Рихт?

– Да, у него на двадцатом этаже номер, – он взглянул на
меня. – Слушай! А ты разве не в курсе, что будут говорить
на пресс-конференции?

Я хотела сказать, что даже все мои родственные связи не
дают мне доступа к информации такого уровня, но тут меня
посетила очередная гениальная идея.

– Я-то в курсе, – сообщила заговорщицки, тыкая в панель
вызова лифта. – Но мне кажется, вам с Рихтом это тоже будет

интересно.

И подмигнула Ленарду.

– Вау! Так та... информация была про драконов, да?

– Угу, – важно сказала я, искренне радуясь, что двери лифтов передо мной разошлись. Никогда не умела вешать драконью чешую на уши, особенно в течение долгого времени.

– Кру-у-уто! – выдохнул парень, шагая вслед за мной.

– Ага.

– И ты знаешь, почему это было, да?

Я сделала большие глаза и провела пальцами по губам (типа, молнию застегнула). Ленард, похоже, смирился, а я в очередной раз порадовалась, что больше с вопросами ко мне приставать не будут. Хотя совесть куснула за пятку, скотина такая. Вот не люблю я сочинительством заниматься.

Да и смотрели на меня сейчас чуть ли как на народную героиню, а народная героиня знала не больше стоявшего рядом парня. Учítывая, как ир்தханы от щедрот душевных ссезивают информацию в массы (по капле, раз в два года), то оно в общем-то неудивительно.

От мыслей я очнулась ближе к номеру Рихта.

Постучала, раздумывая над тем, что делать, если его там не окажется.

Оказался.

Рихт распахнул дверь почти сразу. С мокрыми после душа волосами и полотенцем, обернутым вокруг бедер, он вы-

глядел так, что моя челюсть потянулась вниз, повинувшись силе притяжения. Что я там говорила про мужчин в форме? Ни один мужчина в форме не выглядит так, как мужчина без формы.

– Мы в гости пришли, – заметил Ленард. – Есть пиццу и посмотреть пресс-конференцию. И если что, я беру свои слова про драного набла назад.

– Очаровательно, – сказал Рихт, глядя почему-то на меня.

– М-м-м-м, – ответила я.

– Проходите, – он отступил в сторону, и Ленард первым шагнул в номер, а я следом. Все еще не уверенная, что мой взгляд примагничивается к сильному прессу исключительно потому, что я там капельки воды увидела. Вообще почувствуй себя странно, называется: мы тут возмущаемся, что мужчины заглядывают нам в декольте, а я отлипнуть не могла от созерцания подтянутой фигуры и литых мышц.

– Я сейчас оденусь и выйду, – сказал Рихт, повернувшись и явив миру задницу.

Задницу, которая даже под полотенцем была вполне рельефной.

Дыхни на меня дракон!

Шаги за спиной заставили отвиснуть и обернуться: вальцгарды ввалились в номер вслед за мной.

– Э-э-э... а вы куда?!

– Приказ, – коротко ответил «номер один».

– Приказ?!

– Да. Наедине вас можно оставлять только рядом с Джерманом Гроу.

Рихт развернулся резче, чем я успела очешуеть.

– Не знаю, какой у вас приказ, – это тоже совершенно не напоминало свойственное ему спокойствие, того и гляди пламенем дохнет, как дракон. – Но вы сейчас вломились в мой номер без разрешения и нарушаете мое личное пространство, на которое согласно конституции Аронгары имеет право каждый. Это первое. А второе: этой женщине здесь ничего не угрожает. Так что прошу.

Молчаливый поединок огненных стрел взглядов проходил как раз на линии меня, я даже подавила желание присесть (чтобы не зашибло ненароком). Не представляла, что у Рихта может быть такой тяжелый взгляд, и уж тем более не представляла, что люди могут так смотреть на иртеханов. Не уверена даже, что сейчас в Рихте было что-то от Даармархского, скорее, было что-то от Рихта, который мне пока еще не известен.

Сейчас, когда он больше не держал руки скрещенными на груди, я увидела огромный кровоподтек на ребрах (подарочек от Гроу), и едва заметно ссаженную на смуглой скуле кожу.

– Мы будем за дверью, – коротко отозвался главный.

После чего кивнул напарнику, и оба вышли.

Ш-ш-шух.

Это закрылась дверь за мощными спинами сопровожде-

ния.

Шварк!

Это уже за спиной Рихта, который скрылся в ванной.

Я выразительно поморгала, переводя взгляд с одной двери на другую, а потом прошла в номер. Надо будет на будущее запомнить, что эти парни слушаются Леону и Рихта. Рэйна-ра, наверное, тоже, но это к делу не относится. Вопрос только в том, почему они не слушаются меня.

И что Леона имела в виду, когда разрешила оставлять меня с Гроу наедине?

Ленард устроился на диване, вытянув ноги, и что-то листал на смартфоне.

– Есть пицца с острыми колбасками, – сказал он. – Ты любишь острые колбаски?

– Не особо.

– А с перцем гранко и ветчиной?

С перцем гранко у нас Гроу любит, подумалось мне. Жаль, нельзя принести Сибрилле такой же кофе, может, ее ледяное совершенство слегка пропотеет.

– Не особо.

– Да ну тебя. Тогда сама выбирай, – Ленард сунул смартфон в карман растянутых джинсов.

– Мне не на чем.

– Телефон забыла, что ли?

– Убила.

Я выудила свой и показала парню. Он присвистнул.

– Это как ты его вообще?

– Случайно.

Ко мне пришел Гроу и пригласил запрыгнуть во флайс через балкон.

При мысли о балконе меня снова бросило в холодный пот, и я решила, что ну его. И балкон, и Гроу. Потому что там, со своей Сибриллой, он точно обо мне не думает. И вообще, почему в его контракте не прописано, что он обязан на людях появляться исключительно со мной, а за всяких драконесс ему придется платить неустойку?

Самому себе, ага.

– Так... может, тогда с драконьими ушками?

Нет, драконьи ушки не имеют никакого отношения к драконам. Так называются тонкие пластинки вяленого мяса, сложенные в форме ушей, настолько острые, что после их поедания дым из ушей идет.

От очередного отказа меня спас Рихт, который вышел из душа уже в рубашке и брюках (спасибо и на том), и невыносимо спокойный, словно это не он несколько минут назад выставил из номера вальцгардов. Не будучи ир்தханом.

– Что выбираете?

– Так пиццу же, – сообщил Ленард.

– Боюсь вас разочаровать, но я уже заказал ужин, так что сегодня без пиццы, – он подошел к нам. – Не знаю, хватит ли на всех, я заказывал только для себя и собираюсь есть много, так что клацать пастью не рекомендуется.

– Смотри сам без ужина не останься, – мигом вскинулся парень.

Я закатила глаза.

– Танни, а ты что стоишь?

– Я еще не проснулась.

Рихт кивнул:

– В таком случае у тебя есть целый час, чтобы это сделать до пресс-конференции, – меня легко подтолкнули к дивану, и я устроилась рядом с Ленардом.

Сам Рихт выбрал кресло, стоявшее сбоку, но долго в нем не просидел: стоило ему опуститься, как в дверь постучали.

– А вот и ужин, – легко оттолкнувшись от подлокотников, произнес он. – Вообще-то я вышел к вам в одном полотенце, чтобы покрасоваться перед официанткой, но вы все испортили.

Ленард сдавленно фыркнул, а я вспомнила про кровоподтек и зависла.

К счастью, Рихт ушел встречать ужин.

Ненадолго. Аэротележка влетела в комнату, подчиняясь пульту управления, и зависла рядом с журнальным столиком.

– Твои сопровождающие слегка напугали официанта, – как ни в чем не бывало заметил Рихт, когда я поднялась, чтобы помочь ему составить еду.

Ленард заржал.

– Он был бы счастлив видеть тебя в полотенце!

Рихт хмыкнул.

– Неужели? – спросила я.

– Ты сейчас про официанта и полотенце?

– Вообще-то про моих сопровождающих и официанта.

– Да, он решил, что здесь по ошибке остановилась какая-то очень именитая личность.

– Ну в общем, он прав.

Рихт пропустил комплимент мимо ушей. Перекладывая накрытое крышкой блюдо, украдкой посмотрела на него, надеясь поймать ответный взгляд и вопрос в нем, но мужчина спокойно его отразил.

– А вот с приборами будет проблема... – задумчиво произнес он.

– Да ладно, какая проблема, – Ленард приоткрыл крышку жаркого. – Я вообще руками могу есть.

– Здесь есть комплекты, но они для разных блюд.

Рихт вытащил снизу запакованные в одноразовые футляры приборы.

– О, ну тогда точно никаких проблем!

– Поскольку нас много, предлагаю устроиться на полу. Надеюсь, никто не возражает? – Рихт посмотрел на меня.

– Неа, – первым у столика (низенького, рядом с которым весьма удобно сидеть), устроился Ленард.

Я села рядом, Рихт напротив нас.

– Угощайтесь.

Ленарда уговаривать не пришлось, меня, впрочем, тоже.

Я утащила себе салат с морепродуктами, парни решили побороться за жаркое, и в неравной борьбе победила молодая наглость. Кусок, который Ленард себе откромсал, был в два раза больше того, что он оставил Рихту.

– Нард, ты не треснешь?

– Ха-ха! – возвестил парень. – Кто там говорил про пастью не клац-клац?

Все это здорово походило на дружеские посиделки, похожие на те, что у меня были в Мэйстоне. С Имери и ребятами, с которыми мы встречались еще несколько лет после школы. Потом наши пути как-то совсем разошлись, но Имери осталась. Пока она не начала приглашать к нам Гарджера, рядом с которым я всегда чувствовала себя третьей лишней. С прочими ее парнями – нет, а между ней и этим красавцем с бритой головой сразу возникла химия. Там все сразу было понятно, и предложение, которое он ей сделал, было всего лишь вопросом времени.

У Имери скоро свадьба.

Очешуешь.

Почувствовав на себе пристальный взгляд Рихта, очнулась и улыбнулась.

– Все еще не проснулась?

– Ага.

– Кстати, Танни мне рассказала про неразглашение, – с набитым ртом заявил Ленард.

– Неразглашение? – Рихт приподнял брови.

– Да, неразглашение информации про драконов, – выразительно сказала я.

Чем плохи журнальные столики – дотянуться ногой до объекта, которому хочешь что-то передать, нереально. В ту минуту, когда я об этом подумала, в дверь снова постучали.

– Это не номер, это проходной двор какой-то, – заявил Ленард.

– Между прочим, прохождение началось с тебя, – вернул ему шпильку Рихт.

Потом вздохнул и поднялся.

– Я сейчас. И если это твои сопровождающие хотят удостовериться, что я тебя не сожрал, я за себя не отвечаю.

– Может, у них секундомер сломался?

Рихт фыркнул.

– Надеюсь на это.

На миг обернулась, и Ленард спер из моей миски креветку. Последнюю, между прочим!

– Эй!

Парень довольно ухмыльнулся, а в следующий миг меня впаяло в пол.

Потому что за щелчком двери раздался голос Гроу:

– Надо кое-что обсудить.

Я обернулась очень не вовремя: наши взгляды встретились, и меня мазнуло огненной лентой его взгляда. Как водный полудракон умудряется сочетать в себе пламя, лед и первостихию, мне до сих пор было непонятно, но он умудрялся.

Впрочем, все эти мысли тут же вылетели из головы, потому что Гроу выдал фееричное:

– Обжиматься в номере можете сколько угодно, но на людях до конца съемок вместе не появляться.

Че-го?!

Что ты сейчас сказал, ящерица безхвостая?!

Я взвилась в воздух со скоростью маленькой боевой торпеды и устремила к цели прямой наводкой, но меня перехватило силовое поле руки Рихта. Проще говоря, он выставил ее как шлагбаум, и если бы я не затормозила, вписалась бы прямо в драконорежиссера. Сам Рихт привалился к стене, обманчиво-расслабленно глядя на Гроу.

– Это все, что ты хотел сказать?

– Все, – на меня принципиально не смотрели, как если бы на моем месте маячило пустое пятно. – Для нее это может закончиться крайне плачевной неустойкой, так что надеюсь, до тебя дойдет с первого раза.

– Дошло, – сообщил Рихт.

А потом шлагбаум поднялся, опустился за моей спиной, и меня притянули к себе. Так, совсем интимно, из-за чего я впечаталась бедрами в его бедра.

– Обжиматься, – Рихт сделал акцент на это слово, – будем только в номере.

У Гроу вытянулся зрачок, и вопреки всякой логике я прижалась к обнимающему меня мужчине еще более откровенно, отражая яростный драконий взгляд. Темные глаза по-

лыхнули зелению, а потом его режиссерское драконобесподобие вылетело за дверь. Странно, что не сквозь, потому что на первый взгляд он был в том самом состоянии, в котором можно проходить сквозь стены.

– Э... а вы что, правда обжимаетесь, что ли? – донесся из-за спины совершенно очешуевший голос Ленарда. – Или у вас уже роман?

– Не твоего ума дело, – Рихт кивнул на приоткрытую дверь ванной. – Танни, на пару слов.

Я даже не особо сопротивлялась, потому что где-то в груди плескало отголосками драконьего пламени. Стоило нам запечататься внутри, как Рихт меня отпустил.

– Никогда больше так не делай! – прорычал он.

Глаза его сверкнули так, что в них едва не вспыхнули отголоски алого огня. Разумеется, их быть не могло, но я столько раз представляла, как это добавить с помощью спецэффектов, что уже ничему не удивлюсь.

– Так – это как?

– Не прижимайся ко мне, если не имеешь это в виду.

Да вы не очешуели ли?! Всем скопом!

– Между прочим, это не я полезла с обнимашками, – сложила руки на груди. – Так что все претензии к себе.

– Я не лез с обнимашками, – процедил Рихт. – Я действительно тебя обнимал, Танни.

– Да ну? И про обжиматься ты тоже не говорил?

– Говорил. Но не потому, что хотел с тобой обжиматься...

Я приподняла бровь.

– Драконова задница! Танни!

– Драконова задница только что вышла за дверь. А я терпеть не могу, когда мне предъявляют претензии.

– Почему ты все время защищаешься?

– Потому что очень не люблю, когда мне говорят, что я должна делать, а чего не должна!

Или потому, что Гроу только что разрешил мне обжиматься с Рихтом. Можно сказать, благословение режиссерское дал, чешуйчатый недоперекрыл!

– Не говорят, а просят. Разницу чувствуешь?

– Чувствую! Вот прямо сейчас чувствую. Стою и думаю – что это я чувствую? А! Это разница!

Не представляю, чем бы закончился этот разговор, если бы из-за двери не донесся ехидный голос Ленарда:

– Ну что? Обжиматься закончили?

Судя по выражению лица Рихта, он был готов убивать.

– Если закончили, выходите. Если нет, все равно выходите. Пока вы там тискались, пресс-конференция началась.

– Мы. Не тискались, – рыкнула я, вылетая за дверь.

– Ну-ну, – усмехнулся парень.

– Мы не тискались, – повторила я, вскинув руку. – Еще одно слово, и миска с салатом переедет к тебе на голову.

– Салата там уже нет, – философски заметила Ленард. – А то, что не тискались, заметно. Агрессивные оба – капец.

С хохотом, достойным злодея из ретро-фильма, парень

улепетнул в сторону дивана, и я схватила воздух вместо футболки.

– Слааадкая парочка в ссоре!

Почему никто мне не говорил, что мальчишки могут быть такими противными?

– Из-за одного режисс-е-е-ра!

Поэзия так и прет, чтоб тебя дракон хвостом шваркнул!

– Слааадкий соус по ушам стекает, – заметила я в тон ему, – тех, кто чешуйней страдает.

Рихт прекратил нашу перепалку очень просто: врубил звук визора на максимум.

– Сегодня утром по всей стране...

У всех лопнули барабанные перепонки.

Я зажала уши и выразительно посмотрела на Рихта, Ленарда же, судя по всем контузило. Он просто моргнул и залип, как сидел, на диване.

– Все? Угомонились? – поинтересовался мужчина-с-пультом.

Это я почти прочитала по губам, потому что переорать визор на полной громкости достаточно сложно. Не говоря уже о том, что я по-прежнему прижимала к ушам ладони.

Рихт убавил громкость и вздернул бровь.

Я плюхнулась на диван рядом с Ленардом, игнорируя его насмешливый взгляд. Рихт устроился рядом в кресле, но я на него не смотрела. Ни на кресло, ни на Рихта, зато смотрела в зал, битком набитый репортерами со всех уголков Аронгары.

Как они там друг у друга на головах не сидели – непонятно.

Впрочем, о репортерах я забыла сразу, стоило Леоне и Рэйнару появиться в кадре. О том, что они красивая пара, я знала всегда. То есть моя сестра в принципе красивая, ну и Председатель тоже ничего так. Мужская красота, помноженная на харизму и внутреннюю силу, одного взгляда хватает, чтобы дыхание на миг перекрыло, хоть я и не дракон.

Семейная жизнь не для меня, я всегда об этом знала, но почему-то сейчас, глядя на них, испытала острый укол зависти. Такой черненькой, со вкраплениями белого для очистки совести.

Нельзя же завидовать собственной сестре.

Или можно?

Диктор трепалась об оставшейся в прошлом экстренной ситуации, пока Рэйнар и Леона рука об руку вышли на сцену. Ведущий стандартно зачитывал правила, но я смотрела только на них. На то, как едва уловимый взгляд Леоны превращается в поддержку, на то, как едва заметная улыбка в уголках губ Председателя на мгновение делает его жесткое лицо удивительно светлым.

Не знаю, заметил ли это кто-то еще.

– Начнем, – голос Рэйнара разорвал воцарившуюся на несколько мгновений тишину. – Сегодня все мы стали свидетелями явления, которое не наблюдалось уже много тысячелетий.

Молчание. Вспышки камер.

– То, что мы видели сегодня, в последний раз произошло тоже в драконий месяц. Во времена, когда сила пламени иртханов в нашем мире была на уровне настоящей.

– Что значит на уровне настоящей? – поднял руку один из репортеров.

– Это значит, что сейчас мы близки по силе ко временам Теарин Ильеррской и Витхара Даармархского. Предвосхищая главный вопрос, сегодня утром драконы обратились к нам за помощью.

Драконы обратились к нам за помощью?

Моя челюсть потянулась к полу, но я ее поймала, вовремя вспомнив о том, что удивляться мне не положено. Судя по воцарившейся в зале для пресс-конференций тишине, все собравшиеся придерживались того же мнения. То есть придерживали каждый свою челюсть.

– Драконы обратились за помощью? – первой нарушила паузу журналистка с короткой стрижкой. – Разве вы можете понимать их язык?

– Нет. Наше общение происходит на уровне магии и инстинктов.

– Разве по магии и инстинктам можно понять, почему приходили драконы?

– Можно. Когда между иртханом и зверем устанавливается связь, мы почти становимся единым целым.

По залу пронесся не то шепот, не то коллективный вздох. Бр-р-р-р-р. То есть тьфу.

Надеюсь, я не стала единым целым с Мелорой.

О чем я вообще думаю, а?

Следующий вопрос задал невысокий мужчина с залысинами, экранная лента представила его как репортера из Флангстона.

– То есть вы хотите сказать, что драконы не собирались нападать?

– Совершенно верно.

– И что, они бы просто так ушли?

– Нет, они бы в любом случае дождались нас, – произнес Рэйнар. – Чтобы передать сообщение.

– Вы поэтому допустили первую леди в Пустоши? – это уже журналистка с косой челкой.

– Моя жена пошла со мной, потому что это и ее мир тоже. Ее город. Ее страна.

– И вы так спокойно об этом говорите? – снова репортер из Флангстона. – Раньше супруги правящих не выходили в Пустоши вместе с мужьями.

– Раньше супруги правящих не оборачивались, – ответил Рэйнар, чем вызвал волну смеха, ветерком пронесшуюся по залу.

– И все-таки, – не унимался мужчина. – Вы ею рисковали. Почему?

– Позвольте, я отвечу на этот вопрос? – Леона подняла руку. – Мой муж никогда не станет мной рисковать.

– Значит, вы пошли с ним не потому что его силы могло

не хватить, чтобы развернуть драконов?

Ауч.

Леона посмотрела на говорившего так, что на его месте я бы превратилась в паленый хвостик набла и с шипением испарилась прямо в воздухе. Точнее, выражение ее лица осталось безукоризненно-вежливым, только в глазах мелькнуло ну очень знакомое мне выражение: подпалит – и не заметит.

Моя сестра!

– Я пошла с ним, потому что это мой долг. Мой долг стоять на защите города, когда такое происходит.

– Долг женщины?

Тут уже мне захотелось поджечь этому журналисту хвост. Честно – я бы, наверное, подожгла, но Леона отразила провокацию совершенно спокойно:

– Долг первой леди. В древности иртханессы вставляли плечом к плечу со своими мужьями.

Серьезно?!

– Но мы-то с вами живем сейчас.

– Верно. Мы современная семья, и мне вовсе необязательно сидеть где-то, когда в Пустоши волнения.

– Вы настолько уверены в своем муже?

– А вы в нем сомневаетесь?

Журналист стушевался, и этого замешательства хватило, чтобы Рэйнар поднял руку:

– Мы отклонились от темы. Прошу, вопросы по существу.

– Значит, драконы просили о помощи? – поднялась ры-

женькая журналистка с пышной копной волос. – Почему?

– Это связано с защитными полями, растянутыми над Аронгарой.

Ленард ткнул меня локтем в бок. Я посмотрела на него краем глаза, поймала вопросительный взгляд, и тут же вернулась на пресс-конференцию.

– С теми, что оберегают города?

– Именно. Как вы знаете, их воздействие таково, что не позволяет драконам заходить в мегаполисы. Достигается это частично за счет технологий, частично – за счет магии. Попадая под воздействие такого поля, драконы чувствуют себя некомфортно, если можно так выразиться. Точнее, некомфортно они себя чувствуют даже в пределах эха, как мы называем остаточные волны защиты, именно поэтому звери редко выходят из глубин пустошей. Но сейчас ситуация такова, что пламя иртханов стало сильнее.

Рэйнар обвел взглядом собравшихся.

– Как я уже говорил, сейчас наша сила на уровне тех времен, когда иртханы свободно оборачивались драконами. Это приводит к тому, что эхо защитных полей распространяется все дальше, сжимая границы обитания драконов. Земель, пригодных для их жизни, становится все меньше.

– То есть вы хотите сказать, что...

– Если продолжится в том же ключе, драконам будет негде жить.

Вскинул руку тощий, угловатый парень из Балт-Лар-Си-

ти.

– Но поле же неизменно! – воскликнул он, когда Рэйнар ему кивнул. – Оно окружает города, а пустоши не трогает.

– Пустоши накрывает эхом, – повторил Рэйнар. – Там, куда доходят отголоски защиты, драконы не могут существовать. Не могут создавать пары и семьи, для них это все равно что для вас постоянно находиться в комнате, где играет тяжелый рок или звучит сирена. С каждым годом это «звучание» сжимает рамки их обитания, запирая зверей на тесных клочках земли.

Я почувствовала на себе пристальный взгляд Рихта и поняла, что грызу ногти.

Точнее, почти отгрызла один на указательном пальце. Пришлось сделать вид, что я просто потерла губы, и снова уставиться в визор.

– Возвращаясь к тому, что я хотел сказать. Если так пойдет и дальше, драконов не станет.

– Совсем? – снова поднялась рыженькая.

– Совсем.

– Как скоро это произойдет?

– В течение двадцати, может быть, тридцати лет.

Последнее заявление встретили тишиной.

Такой тишиной, что чей-то судорожный вздох в зале показался чуть ли не вышеупомянутым тяжелым роком.

– Поэтому мы с женой сейчас обращаемся к вам, – я почувствовала, как по коже прошел мороз, от его странных,

пугающих слов. Особенно кода Леона чуть шевельнула рукой (этот жест невозможно было заметить, если не смотреть на нее очень внимательно), коснувшись кончиками пальцев тыльной стороны ладони мужа. — Ко всем жителям Аронгары, от имени Совета. Решение, которое нам предстоит принять, мы будем принимать вместе. В ближайшее время состоится голосование, в котором примет участие каждый житель Аронгары старше шестнадцати лет.

Леона волнуется, это было заметно по слишком прямой спине и прямому, очень серьезному взгляду. В принципе, это все легко можно было принять за официальность, если не знать мою сестру. Ну а если знать, то станет понятно, что она никогда не будет сидеть так неестественно спокойно в такой важный момент.

— О каком решении речь? — спросил репортер из Балт-Лар-Сити.

— О решении отключить защиту над городами.

Пресс-конференция закончилась ближе к полуночи по Мэйстону, потому что после такого заявления Рэйнару и Леоне еще долго пришлось отвечать на вопросы. В частности, о том, что уменьшать интенсивность щита бессмысленно, поскольку это все равно что его снять. Что закрывать города с помощью технологий без магии невозможно, потому что ни один энергоресурс не сможет круглосуточно выдерживать такие щиты. О том, что драконы не станут нападать на людей без причины, и что возможность предупредить на-

лет в современном мире держится не только на защитном поле.

– Сомневаюсь, что большинство голосов будет «за», – сказал Рихт, выключая визор.

Возбужденный Ленард умчался к себе, общаться и обсуждать новость с друзьями, а мы остались одни.

– Почему сомневаешься?

– Потому что люди привыкли к тому, что драконы опасны. Слишком долго иртыханы держали такую линию.

– Они не держали, – попыталась возразить я, но Рихт приподнял бровь.

Ладно, держали.

Чтобы удержать власть, не стоит рассказывать о том, что по ту сторону щита обитают пушистые пуськи, которые даже не кусаются, если их сильно не разозлить. Ладно, Рэйнар выразился иначе, он говорил, что драконы нападают только если чувствуют угрозу, но если будет принято решение отключить щиты, цепи смотровых башен на границе с городами превратятся в непроходимый кордон. Любой тревожный сигнал поднимет вальцгардов и боевую технику в любую минуту. Дежурства на границе с пустошами будут, как в древности, и так далее, и тому подобное. Если честно, они с Леоной столько всего говорили, что в голове у меня сейчас была сплошная инфокаша.

В одном я была точно уверена: не хочу, чтобы драконы исчезали.

Не хочу, чтобы они страдали от щитов, потому что при всей моей любви к тяжелой музыке я бы свихнулась, если бы слушала ее постоянно.

– А ты что скажешь? – внимательно посмотрела на Рихта.

– Ну, мой голос будет за отключение. Точнее, был бы.

Ах, да. Я совсем забыла, что он в Аронгаре только по поводу съемок.

– Как думаешь, если такое началось, это происходит по всему миру?

– Думаю, да, – он кивнул. – Просто не каждый возьмет на себя смелость заявить о таком.

Смелость, да. И ответственность.

Не представляю, чего это стоило Рэйнару, зато отлично представляю, почему Леона не брала трубку. Точнее, почему она вообще выключила мобильный.

Смартфон пикинул сообщением от Имери.

Я вздохнула, потому что прочитала его с десятого раза, зашекотав дисплей и палец до нервного тика: «Нет, ты представляешь?»

– Как думаешь, к чему стоит готовиться? – спросила у Рихта.

Я бы спросила у Леоны, но прекрасно понимала, что ей сейчас не до меня. Вот совсем.

– К холодной войне с Ферверном.

– Ферверн тут при чем?

– У них гораздо более жесткая политика в отношении от-

крытости людям.

– То есть они бы о таком промолчали?

– Подозреваю, что молчат.

– То есть им без разницы, если драконов не станет?

– Думаю, да. Учитывая, что подводных фервернских драконов эхо полей не касается, своей власти фервернцы не лишатся, даже когда умрет последний снежный или ледяной.

Про подводных фервернских драконов в школе был целый параграф. Я бы сказала, его надо не в зоокурс для средней школы включать, а в страшилки с рейтингом. Эти звери в полтора раза крупнее всех остальных, обитают в ледяных водах и выглядят как оживший кошмар зообилога или даже бывалого драконолога. Шипастый небоскреб с плавниками, которые легко превращаются в крылья, прозрачными глазами и когтями размером с флайс. Радует только то, что на поверхность они выходят крайне редко. Не радует то, что они в воздухе и в воде чувствуют себя одинаково, как дома.

– Откуда ты столько знаешь про Ферверн?

– Отец интересовался этой страной и их политикой. Ругался не по-доброму, говорил, что люди там еще более бесправные, чем в древности или во Времена Погасших Костров. Сейчас в Хайрмарге живет мой лучший друг, и впечатления у него примерно те же.

– Тогда почему он там живет?

– Уровень жизни, – Рихт усмехнулся. – По сути, если ты не родился на залежах драгоценных металлов, в Лархарре

ловить нечего.

Да, Ферверн и Аронгара вечные соперники. Две страны, отмеченные сильными линиями правящих, перегнать которые по уровню жизни и безопасности пока не удавалось никому.

Мы замолчали.

Я крутила в руках телефон и думала о том, с чего начать несостоявшийся разговор, но за меня его начал Рихт.

– Танни, тебе вовсе не обязательно решать прямо сейчас. И напрягаться по этому поводу тоже необязательно.

– С чего ты взял, что меня это напрягает?

– С того, что ты пришла ко мне вместе с Ленардом.

Железный аргумент.

Поднялась, наконец-то сунув руки в карманы. Карманы – это счастье.

– Рихт, мне просто нужно время. Нужно время, чтобы к этому привыкнуть, понимаешь? Не знаю, как у тебя складывались отношения, но у меня с парнями был полный ноль, если не сказать минус. Я не умею быть с кем-то. Я никому об этом не говорила до тебя, и не уверена, что скажу кому-то еще...

Рихт поднялся так же стремительно, как надвигается ураган.

Шагнул ко мне вплотную, но облапать не попытался, за что я сейчас была искренне ему благодарна.

– Я предложил тебе стать моей девушкой, но я не имел в

виду, что ты должна решать это прямо сейчас, – он смотрел мне в глаза. – Я буду ждать, сколько потребуется, Танни.

Если бы это было кино, сейчас бы пустили романтическую музыку.

Я поймала себя на этой мысли и так же мысленно пнула себя под пятую точку. За внутренний цинизм.

– погоди. Я не договорила. У меня была попытка построить нормальные отношения, но она закончилась полной задницей. Из-за меня, – я оттянула карманы, подавив желание покачаться с носка на пятку. – То есть был один нормальный парень, с которым мы почти сошлись. Точнее, могли бы сойтись. Мы с ним общались, нормально. Как с тобой. Я видела, что я ему нравлюсь, и ... он, в общем-то, сказал мне то же, что и ты. Спустя пару дней я лизалась с другим на глазах у него. Знаешь...

Дерьмо.

Я замолчала, потому что не знала, что сказать еще. Та история с Тимом до сих пор сидела занозой где-то под сердцем. Да, я могла сделать это иначе, могла просто ему отказать, но на какой-то едва уловимый миг поняла, что он мне действительно нравится. У нас было много общего: нездоровое чувство юмора и тусовка 3D-графиков. В общем, я испугалась и поступила так, как поступила.

– А он?

– Что – он?

– Что он сделал, Танни?

– А что он должен был сделать?

– Лично я попытался бы выяснить, что за... – Рихт шагнул ко мне ближе. – Танни, ты в курсе, что сейчас ты пытаешься проделать то же самое? Так вот, со мной не прокатит. Я намерен сделать тебя счастливой, и я сделаю тебя счастливой. Хочешь мороженого?

Разрядить обстановку одной фразой – это по-нашему.

– С чего ты взял, что мороженое сделает меня счастливой? – фыркнула я.

Рихт укоризненно покачал головой.

– У меня четверо сестер, я же говорил, – он развернул меня за плечи и подтолкнул к мини-бару, где размещался встроенный планшет для заказа еды из ресторана. – Вперед.

Вперед не получилось, потому что мобильный снова задергался. Я успела только увидеть вызывающий номер «Лео-на-сестренка», когда дисплей мигнул и погас.

Судя по всему, навсегда.

Что такое не везет, и как с этим бороться. Судя по всему, мне стоит написать на эту тему книгу, и состоять она будет всего из одной страницы и одного слова: «Никак».

– Танни, что с твоим телефоном? – Рихт нахмурился, глядя на «сетчатый» дисплей, но ответить я не успела. В дверь не просто постучали, в нее заколотили, настойчиво так.

Мрачней еще больше, Рихт направился открывать, и его не снесло в сторону только благодаря габаритам. Вальцгарды чеканным шагом промаршировали ко мне, один с теле-

фоном наперевес.

– Почему вы сбросили вызов?

Нет, ну это уже...

Мне в руку сунули мобильный, прерывая мыслепоток.

– Ответьте. Звонок от первой леди.

Для тебя первой леди, морозильник ты ходячий. Тем не менее поднесла смартфон к уху:

– Леона?

– Танни, ты почему бросила трубку?!

– Я не бросила. У меня же телефон убился, помнишь?

– Ах, да.

Ах, да?! Мне очень хотелось задать вопрос, с чего за мной по пятам ходят два шкафа, но я удержалась. Не при Рихте же.

– Почему ты не у себя?

Ничего себе, вопросик.

– А должна?

– Сейчас – да, – заявила Леона.

– Сейчас?!

– Возвращайся к себе, я наберу через пять минут.

Она отключилась раньше, чем я успела высказать все, что по этому поводу думаю. Из чистого упрямства хотелось остаться в номере Рихта (честное слово, мне двадцать шесть, и я сама могу решать, где мне проводить вечера!), но желание поговорить с сестрой откровенно (в частности, об этом) перевесило.

– Мороженка отменяется, – сказала я.

Рихт хмыкнул.

– Что ж, в таком случае запишем ее на будущее.

Я улыбнулась.

– Ага.

И слиняла быстрее, чем услышала: «Увидимся на съемках, Танни».

Кто-то мог назвать это бегством, я бы назвала это стратегическим отступлением, поскольку сегодня с какой-то радости выдала Рихту факт о себе, который даже отражению в ванной не рассказывала очень и очень долго. Над этим определенно стоило подумать, хотя в последнее время я вообще слишком много думаю.

Не к добру.

Ой, не к добру.

Леона была верна себе и перезвонила ровно через пять минут. Она в принципе всегда была пунктуальной, но после оперволедения это возвелось в абсолют. Уверена, что если бы в момент ее обещания я запустила секундомер, то к моменту повторного звонка он показал бы пять минут с точностью до сотых долей секунды.

– Ну, рассказывай, – сообщила я, не позволяя кое-кому перехватить инициативу.

А то знаю я ее.

– О чем?

– Для начала о том, с какой радости я даже переодеться не могу, если на меня не смотрят два здоровенных лба.

И с какой радости мне можно оставаться наедине с Гроу.

Этот вопрос я мысленно записала на будущее, а вот имя задвинула поглубже, хотя бы пока. Стоило вспомнить режиссерскую физиономию, как у меня все внутри начало тлеть.

Обжиматься.

В номере!

Хотелось явиться к нему и сообщить, что он может обниматься с Сибриллой до посинения. Судя по ее внешности, только посинение ему и грозит. И обморожение в самых ответственных местах, так ему и надо.

– Танни, ты здесь?

В этот момент я поняла, что выпала из разговора.

– Эм... да.

– Судя по всему, не очень. Связь прерывается?

– Ага, – обрадовалась предложенной сестрой подсказке. – Так что ты говорила?

– Я говорила, что завтра придет смена твоей охраны.

Опаньки.

– Леона, мне не нужна охрана, – заметила я. Пока еще спокойно, но уже чувствуя, что начинаю заводиться.

– Ошибаешься, – холодно ответила сестра. – Я очень надеюсь на твое понимание, Танни. И очень надеюсь, что вести себя ты будешь соответственно.

– Соответственно чему?! – вот этой фразой меня всегда легко было поджечь.

– Соответственно своему возрасту и статусу.

– А какой у меня статус?

– Ты – моя сестра.

Ну да, почти что титул.

– Мне. Не. Нужна. Охрана, – четко повторила я. – Я без нее обходилась все эти годы, несмотря на то, что твоя сестра. Обойдусь и сейчас.

– Не обойдешься, – хотела возразить, но Леона не позволила мне сказать и слова. – То, что с тобой произошло – вероятная провокация против Рэйнара.

А?

Чего-чего?!

Я присела на подлокотник, на всякий случай, потому что мало ли, что мне сейчас скажут.

– Ты не была на закрытой части заседания, – произнесла Леона. – Поэтому многого не знаешь. Включи видеосвязь.

Пришлось подниматься, топать к мини-бару и пристраивать смартфон вальцгарда на верхней полке между двумя стаканами. Себя я пристроила на барном стуле, и только после этого включила видео.

Сестра была в спальне (судя по виду из панорамного окна и маячку Лаувайс), уже с распущенными волосами, но выглядела она безмерно уставшей.

– Сегодня Рэйнар сделал то, что может ему обойтись очень и очень дорого, – негромко произнесла она. – В Совете мнения разделились пятьдесят на пятьдесят, он смог рассказать людям обо всем только потому, что слово Председателя

всегда решающее.

– Погоди, – пробормотала я. – Ты хочешь сказать, что мы могли бы ни о чем не узнать?

– Могли бы, – Леона устало потерла виски. – Но речь сейчас не об этом. О том, что в ближайшее время на нашу семью будет большое давление. Поэтому я очень тебя прошу, Танни, будь осторожна в том, что делаешь и говоришь. Избегай... импульсивности, которой ты чаще всего руководишься.

Последние двадцать четыре часа я только и делаю, что избегаю импульсивности.

– Решением Рэйнара недовольны многие, и они будут использовать любую возможность, чтобы его зацепить. Поэтому рядом с тобой будет охрана. Поэтому, и еще из-за Мелоры.

Мелора-то тут при чем?! Или...

– Вы разобрались, откуда она узнала про обрезанную запись?

Леона нахмурилась, и я вскинула руки.

– Не для моих ушей, понимаю.

– Не в этом дело. Ментальный допрос все-таки проводили, Танни. Ее и ее отца.

Очешуешь.

– Все настолько серьезно?

– Более чем. Ярлис действительно ни о чем не подозревал. Перед тем, как приехать в Ортахарну, Мелора общалась с

тем, кто помог ей все это проверить.

– То есть она не сама до этого додумалась?

– Ей предложили избавиться от тебя.

А...

Во мне как-то разом кончились слова, энтузиазм и заряд бодрости.

– Избавиться, – повторила я. – От меня.

Супер.

Леона пожевала губы.

– Этот кто-то подстраховал ее в Ортахарне, и у них бы действительно все получилось. Честно говоря, мы бы о нем даже не узнали, если бы не...

Гроу.

Гроу, который вытряхнул из Мирис то, что она должна была забыть.

Слепому виаренку понятно, что этому кому-то нужна была не я, а Рэйнар, на слушании все к тому и шло. И если так подумать, меня бы действительно утопили в дерьме из прошлого: раскройся содержимое этой видеозаписи перед Советом, и у меня стало бы на одну причину больше шагнуть с балкона.

Спор.

Эту причину адвокат Ярлисов точно использовал бы.

Если бы не Гроу.

Гроу-который-лапал-Сибриллу-за-задницу.

Гроу-который-вытащил-меня-из-задницы.

– Сама Мелора ни разу не видела его в лицо. Даже его голос, скорее всего, синтезирован, а все способы общения приводят в информационные тупики. Поэтому этот кто-то либо гений...

Она не договорила. И виаренку ясно, что он не гений, а просто обладает властью и средствами.

– Никогда не думала, что в мире информационных технологий можно затереть все следы.

– В мире информационных технологий следы затереть гораздо проще, чем кажется.

М-да.

– Теперь ты все знаешь, – подвела итог Леона. – Поэтому, Танни...

– Поняла, – хмыкнула. – Буду ходить с охраной.

Сестра вздохнула с облегчением. По крайней мере, мне так показалось, потому что ее лицо просветлело, даже усталость отступила.

– Спасибо, – серьезно произнесла она. – Я рада, что ты понимаешь.

– Ты поэтому сказала, что меня можно оставлять только наедине с Гроу?

– И сколько раз за сегодняшний день ты оставалась с ним наедине? – сестра как-то мигом подобралась.

– А то ты не знаешь?

– Не знаю. Я сегодня весь день была занята.

Хорошенькое заявление. То есть если бы она не была за-

нята, то уже знала бы каждый мог шаг?

Так, ладно, не будем об этом.

– Я вообще-то о другом спрашивала.

– Он ир்தхан, – Леона помедлила. – И я могу ему доверять.

Сестра посмотрела за мое плечо с таким видом, словно там происходил парад или нечто безумно интересное. Учитывая, что за моей спиной ничего интересного не было (я видела это через камеру), это было вдвойне интересно. У меня так и чесался язык спросить, хорошо ли она его знает, и прыгал ли Гроу во времена их знакомства на все, что шевелится, но я решила, что это не в тему.

Не в тему, потому что не собираюсь я интересоваться его похождениями.

Ни прошлыми, ни настоящими, ни будущими.

Точка.

– Между вами вообще ничего не было?

Ну разве что самую малость.

– Нет, Танни. Не было, – вот теперь Леона серьезно смотрела мне в глаза.

– Но ты же говорила...

– Потенциальная пара – это не пара.

– А пара – это...

– Пара – это значит вместе и навсегда. Если ир்தханы становятся парой, ни он, ни она уже не посмотрят ни на кого другого.

Ну круто, чего уж.

– Супер. А человек может стать парой ирлхана?

– Нет, – Леона посмотрела на меня еще внимательнее. –

Танни, погоди...

– У меня тут вопрос по поводу Совета, – я успела перебить ее до того, как она развила тему. Но главное, до того, как тему развила я. – Когда состоится вынесение приговора?

– Пока не знаю, – лицо сестры вновь стало сосредоточенным и по-настоящему деловым. – В связи со всем происходящим это может несколько затянуться, но я дам знать, когда нужно будет готовиться.

Готовиться? К чему?

– Они что, могут мне отказать?

– В принципе, не должны...

– В принципе?

– Такое может случиться только если большинство проголосует против смягчения наказания. В Совете Гроу дорогу никому не переходил...

Кроме Ярлиса.

– Так что будем верить в лучшее. В любом случае, я научу тебя как говорить, что говорить. Не переживай, – сестра улыбнулась. – Прорвемся.

Мне бы ее уверенность.

Я человек, обращаться к главным ирлханам Аронгары с просьбой мне еще не доводилось.

– Прорвемся, – подтвердила я. И добавила: – Если что, я за драконов.

— Я знаю, — серьезно кивнула она. — Мне бы и в голову не пришло, что может быть иначе.

Мы пожелали друг другу спокойной ночи, договорились быть на связи и попрощались. После чего я еще с час выбирала себе новый телефон, потом минут пятнадцать пыталась объяснить девушке из интернет-магазина, что он мне нужен срочно, то есть рано утром, в итоге согласилась на доставку во второй половине дня и пошла спать. Несмотря на то, что я умудрилась проспять большую часть дня, сейчас у меня снова слипались глаза, а голова казалась тяжелой, как гирька. Так кто я такая, чтобы отказывать организму в простых житейских радостях?

Тем более что-то мне подсказывало, что очередной съемочный день будет веселым.

Если не сказать больше.

ГЛАВА 3. ТАНИИ

Веселье началось с утра пораньше, когда я проснулась с по-прежнему тяжелой головой, больным горлом и заложенным носом под бодрый стук в дверь. Я бы сказала, под грохот, который с постели мог поднять не только простывшую меня, но и безвременно почившего. Выбравшись из-под одеяла, я на ходу бросила на себя взгляд в зеркало и ужаснулась: глазки красные, волосы растрепанные, еще и на щеках румянец. Веселее не бывает.

Спросонья не сразу вспомнила, что вчера валыцгарды все-таки вышли из номера, оставив личное пространство лично мне. Что им могло понадобиться, я понятия не имела, но между нами уже было столько всего, что стесняться посчитала лишним. Поэтому и дверь распахнула без вопросов, чтобы наткнуться взглядом на физиономию Гроу. Яростную, надо сказать, физиономию, с которой эта самая ярость сползала ну очень выразительно, уступая место непонятым чувствам.

Визжать и отпрыгивать за дверь было бы как-то пошло, поэтому я просто сложила руки на груди, и тут же об этом пожалела. Топик пижамки с виарчиками натянулся, подчеркивая то небольшое, что он в принципе мог подчеркнуть. Например, заострившиеся от прохлады соски. Режиссерская

дракономорда вытянулась, как гимнастка на растяжке, и я вздернула руки повыше.

– Ладэ, – мрачно сообщили мне. – Ты почему телефон выключила?

Судя по выражению этой самой дракономорды, сказать мне хотели много всего, но вот прямо сейчас передумали.

– Не выключила. Он убился, – сказала я тоном прокурённой оперной дивы в отставке.

Твоего ж дракона!

– Что у тебя с голосом?

– Ничего. Со сна, – я подавила новый приступ желания отползти за дверь, потому что под взглядами Гроу по коже скакали огненные виарчики. От этого мне становилось неудобно, а волоски на затылке становились перпендикулярно коже. – Так что?

Последнее прозвучало грубо. Исключительно потому, что внимательный взгляд и вот это вот присутствие сильно меня напрягало. Несмотря на торчащее в дверном проеме плечо вальцгарда, несмотря на то, что мне предстояло терпеть присутствие Гроу целый день, а потом следующий день, и еще много-много дней.

– Выдвигаемся через полчаса, сбор в западном холле, – заявили мне. – Будь готова.

А потом развернулись режиссерской спиной.

– Всегда готова, – буркнула в нее и от души захлопнула дверь.

На обратном пути бросила на себя еще один взгляд в зеркало, и оставшиеся волоски тоже встали дыбом.

У-у-ужас.

Голова действительно напоминала бесполезную баклажку, в которую нагнали расплавленного металла. Если продолжится в том же духе, то к обеду я буду напоминать не Ильеррскую, а подбитого на лету виара. Поэтому с усилием продрав спутанные волосы и быстренько приняв душ, после которого меня начало знобить, я рванула не на завтрак, а в ближайшую аптеку. Там мне выдали пластинки, снимающие боль в горле и заложенность носа, а заодно пластинки от температуры, пояснив что у последних побочный седативный эффект.

Справедливо рассудив, что спать во время съемок не положено (тем более что температура у меня никогда высоко не поднималась), я наляпала себе одну на горло, другую на переносицу, и спустя пять минут (спасибо современной медицине!) уже была готова к боевым действиям. Читай, к съемочному дню под бдительным взором Гроу.

По возвращении меня ждал сюрприз: смена вальцгардов. В отличие от привычного морозильника с ножками и его напарника, эти были чуть менее шкафоподобные (хотя обманчивая видимость деловых костюмов и не скрывала физподготовки). Оба высокие, темноволосые и стильные. Меня передали с рук на руки, спасибо хоть не буквально, и попрощались до завтра. Проводив «единичку» с подчиненным за-

думчивым взглядом, вздохнула. К отмороженному и его номеру два я уже как-то привыкла, даже контакт с ними нашла. Почти.

А с этими мне что делать?

Не представляю, как наша компания будет смотреться в аэробасе. Не представляю, потому что несмотря на то, что сказал Рихт, я переживала о том, как меня примут после случившегося. Добиться расположения коллег стоило немалых усилий (читай, танца над пропастью), и мне бы очень не хотелось его терять. Сейчас бы, по-хорошему, не выделяться лишний раз, но...

– Ребят, может вы просто за аэробасом полетите? – спросила с надеждой, чиркнув ключом по замку.

– Нет.

Ничего, что внешне разные, по многословности они похожи, как братья-близнецы. Думаю, с закрытыми глазами я даже разницы не почувствую.

– Ну что со мной может случиться в битком набитом людьми транспорте?

– Вы полетите на отдельном флайсе, эсса Ладэ.

Еще лучше. Просить их посадить меня за углом, очевидно, бессмысленно.

– Кстати, это вам, – явный лидер в этой паре движением фокусника вытащил из-под пиджака крохотную плоскую коробочку и протянул мне.

Верт J-12. Смартфон стоимостью с флайсоцикл или даже

простенький флайс.

– Подарок от первой леди, – пояснил вальцгард и отступил в сторону.

Я забрала коробочку и протопала в номер.

Искушение заняться крутышкой прямо сейчас было велико (эта штука разве что не умела варить кофе и приносить завтрак в постель), но я решила отложить знакомство с ней до вечера. Тем более что сейчас у меня оставалось очень мало времени, чтобы собраться и сообщить Гроу о том, что я лечу отдельно. Если честно, мне вообще ни о чем не хотелось ему сообщать, но режиссерская должность как бы намекала. Поэтому я быстро отменила заказ (а вот не надо было динамить меня с доставкой на утро!), покидала в сумку все самое необходимое, перекинула ее через плечо и вышла в коридор.

В компании вальцгардов, провожаемая едва заметными взглядами сотрудников отеля и встреченных нами гостей, вышла в западный холл. При моем появлении стало как-то подозрительно тихо, и я всерьез задумалась о том, что Рихт – неисправимый оптимист.

Его, кстати, нигде не было видно, равно как и Гроу, а вот Ленард помахал мне рукой.

– Всем привет, – сказала я и направилась к парню, вальцгарды двинулись следом за мной.

Да уж, не выделяться – это не про меня.

– Ленард, ты не в курсе, Гроу сегодня со всеми или отдельно?

– Понятия не имею, – парень пожал плечами. – А что?

– Мне надо кое-что ему передать.

– Если хочешь что-то ему передать, это можно сделать через меня, – низкий ледяной голос Сибриллы эхом отразился от сводов западного холла, стилизованного под алое ретро. В этом царстве огня она смотрелась нелепо, как льдинка в плавильной установке, разве что эта льдинка наверняка могла бы заморозить плавильную установку.

Влет.

Она приблизилась к нам на своих умопомрачительных шпильках и остановилась, глядя на меня сверху вниз. Несмотря на каблуки, мы с ней были одного роста, но Сибриллу это совершенно не смущало. Аромат ее духов, таких же холодных, как она сама, изморозью протянулся по коже, в льдисто-голубых глазах мелькнула насмешка.

– Боюсь, это связано с рабочими моментами, – подхватила ее снисходительный тон. – Так что извини, но ты вряд ли имеешь к этому отношение.

Ленард икнул, а по губам Сибриллы скользнула улыбка. У нее даже помада (светлая), была словно припорошена инеем.

– Имею, и самое непосредственное, – она вскинула бровь. – Ты что, даже не удосужилась в кастинг заглянуть, Танни?

Я покосилась на Ленарда, и он сделал большие глаза. В ответ я тоже сделала большие глаза.

– Сибрилла Ритхарсон! – почему-то шепотом сказал он. –

Хеллирия. И исполнительница главной темы саундтрека к Ильеррской.

Хеллирия. Сибрилла.

Когда я в следующий раз решу что-нибудь подумать, тукните меня кто-нибудь по голове.

– Ну что, Танни? – иртханесса улыбнулась. – Ты хочешь что-то передать Джерману?

Если она еще раз назовет его Джерман с таким милым оскалом, я тукну ее.

– Да, – сообщила я с не менее милой улыбкой. – Если ты по совместительству еще и секретарь, передай, пожалуйста, Джерману, что сегодня я лечу отдельно.

Сибрилла наконец-то изменилась в лице, ледяная маска пошла трещинами, но что там из-под нее вылезет мне наблюдать не хотелось. Поэтому я обошла ее, еще раз вдохнув морозную свежесть раннего зимнего утра, как говорилось в рекламе какого-то умопомрачительного дорогого аромата, и направилась к выходу.

Не знаю, как насчет ледянессы, а у меня внутри похрустывали снежинки, которые драконически кололись. Должно быть, так себя чувствует горка, внутри которой набирает силу извержение. То есть снаружи она вся такая снегом покрытая, а внутри кипит варево, способное расплавить все что угодно в считанные минуты.

Я относительно успокоилась, когда села во флайс, и мы набрали высоту. Солнце только-только поднималось над го-

родом, и вершина Лимайны из-за этого казалась раскаленной. Со стороны выглядело невероятно красиво: когда пик-верхушка подобно маяку охраняющих города башен загорается, и свет от него начинает стекать по склонам, как раскаленный металл.

Что я там говорила про успокоиться? Внутри меня происходило все то же самое.

Когда я думала про терпеть Гроу каждый день, я даже не подозревала, что мне придется терпеть каждый день еще и Сибриллу.

Главное, чтобы не Гроу и Сибриллу вместе.

Но они же не могут быть вместе?

Да какая мне к драконам разница!

Сложив руки на груди смотрела на мельтешащие за окнами высотки, понимая, что я окажусь на месте раньше всех остальных. И что мне, спрашивается, с этим делать? Надо было попросить вальцгардов и водителя (да, у меня помимо охраны теперь еще и личный водитель нарисовался), чтобы подождали аэробас или хотя бы чтобы летели не по верхней аэромагистрالي, но в тот момент я думала немного о другом.

Жаль, не взяла новенький телефон, чтобы почитать про вышеупомянутую звезду.

Звезду, ха.

Плагаторша! Ее даже Ледяным голосом Ферверна называли по аналогии с Леоной.

К счастью, мы пошли на снижение быстрее, чем я успела

попросить у своей охраны смартфон и начала изучать биографию местрель Ритхарсон вплоть до пятого колена. Пока что все, что я о ней знала – это то, что ее звезда взошла очень быстро и очень ярко светила. Особенно над Ферверном, но ее голос и первый альбом (в особенности, благодаря «Ледяной буре») покорили весь мир.

У заповедника нас традиционно дожидался внутренний транспорт, его было видно даже когда мы шли вниз по воздушному рукаву.

– Ребят, на пребывание в заповеднике нужен особый пропуск, так что...

– Разрешение получено, – негромко отозвался сидевший справа брюнет.

Ну кто бы сомневался, что оно получено.

– Я имею в виду, на территорию заповедника никто посторонний не пройдет, поэтому вы можете просто подождать снаружи.

– Нет, – ответил тот же.

В сочетании с темными волосами и смуглой кожей глаза-льдинки в его внешности смотрелись особенно эффектно.

– Нет?!

– У нас приказ, эсса Ладэ, не отходить от вас ни на шаг. А на съемках они что, освещение держать собираются?

Подавив желание треснуть себя ладонью по лбу (вальцгарда треснуть хотелось сильнее, но я подозревала, что это может плохо кончиться), откинулась на спинку. В очередной

раз мысленно обозвав себя самкой оцехарры за то, что не взяла новый мобильный. Ладно, вечером мы с Леоной этот вопрос решим: уверена, ей бы тоже не понравилось, если бы за ней по сцене ходили два шкафчика.

Стоило флайсу опуститься на землю, как сидевший слева вышел и подал мне руку. Наверное, я бы даже ее приняла, если бы не заметила шагнувшего ко мне Рихта с коробочкой в руках. С коробочкой, в которой лежал смартфон.

Поэтому для начала я шагнула прямо на ногу вальцгарду, а потом треснулась головой о дверцу.

– Ауч!

Подозреваю, что вальцгард подумал то же самое, потому что ногу ему я отдала знатно. Только вальцгардская гордость не позволила произнести это вслух.

– Танни! Осторожнее, – Рихт кивнул моему сопровождению, вглядываясь в мое лицо.

Я подавила желание потереть ладонью ушибленное место, когда коробочку протянули мне.

– Вот. Это тебе.

«С какой радости?» – хотела спросить я, но не успела. Серебристо-стальной флайс Гроу опустился рядом с нами, дверца поехала вверх. Еще до того, как это произошло, я увидела Сибриллу на пассажирском сиденье. Сибриллу, которая выпорхнула со своего места, когда Гроу на ходу подал ей руку. Это вообще напоминало танец или постановку: миг – и их пальцы соприкоснулись, другой – и она уже ступает на

дорожку с таким видом, словно дорожка огненная, и сейчас ледяные авансом вручат награду за роль Хеллирии. Следующий – и их пальцы разомкнулись, но в кино между ними точно проскочила бы искра или был сделан музыкальный акцент. По сравнению с этим мой выход напоминал попытки набла взлететь.

Я цапнула смартфон из рук Рихта раньше, чем успела это осознать.

– Спасибо, – сказала, глядя ему в глаза. – Это очень крутой подарок.

Подарок действительно был крутой. Флагман одной из ведущих компаний по производству смартфонов – Ренгданг.

– Конечно, не Верт J-12, но временно сойдет, я думаю.

– Временно? Верт – вообще понты.

– Рад, что тебе понравилось, – Рихт улыбнулся. – Посмотришь?

– Конечно! – я вцепилась в пленку с энтузиазмом раздирая ее ногтями, но в этот момент его драконорежиссерство шагнуло к нам.

– Ладэ, это тебе.

Верт J-12.

Верт J-12, четыре тысячи чешуек¹ мне на балкон!

Я смотрела на коробочку в смуглой руке, испытывая смешанные чувства. Потому что этой самой рукой Гроу вчера касался Сибриллы, и сегодня касался Сибриллы, и... поче-

¹ У взрослой особи дракона в среднем четыре тысячи чешуек.

му-то это на миг стало неважным, когда я вспомнила, как он касался меня. Внутри что-то полыхнуло: опасно, яростно, дико, и я кивнула на подарок Рихта.

– У меня уже есть.

– Это тебе, Ладэ, – черты лица Гроу заострились. – Служебный. С выделенным номером, чтобы ты всегда была на связи. Со мной.

– Мы вполне можем общаться через Сибриллу, – я помахала рукой ир்தханессе. – Она ведь не против?

Взгляд драконорежиссера полыхнул.

– Не нарывайся, Ладэ. Ты уже нахамила Ритхарсон при всех, и если думаешь, что я буду это терпеть, то сильно ошибаешься. Никаких конфликтов на съемочной площадке.

Я – что?!

Сибрилла одарила меня очаровательной улыбкой, способной приморозить две средних Танни Ладэ, а потом отвернулась с видом, что ей совершенно не интересно то, что здесь происходит. Пока я пялилась на ее бледнейшее, мне в руки сунули коробку со смартфоном. Пальцы Гроу зацепили мои, и огонь этого прикосновения плеснул в ладонь.

– Отвечать в любое время дня и ночи. Это понятно?

Вот теперь мне захотелось запустить коробочкой в режиссерский лоб.

– Понятно, – ответила я.

Повернулась было к Рихту, но в спину мне ударило:

– Контракт, Ладэ. Не забывай про контракт.

Я хотела сказать, что с памятью у меня все в порядке, но в этот миг в воздушный рукав нырнул аэробас, а в ладонь Гроу легла изящная клешня Сибриллы. Обманчиво-легко, и когда она бросила на меня насмешливый взгляд, мне снова захотелось запустить служебным смартфоном с выделенным номером в режиссерский затылок. Хотя лучше с двух рук: одним в Гроу, другим в Сибриллию, благо, оборудование позволяло.

То есть ему можно бить морду Рихту за то, что мы погулять вышли, а я должна молчать и мило улыбаться на все Сибриллины приколы? Ну просто пять!

– Танни, что между вами происходит? – негромкий голос Рихта выбил из состояния медленного закипания. – Между тобой и Гроу.

– Ничего, – буркнула я.

И не солгала ведь. Ничего, кроме моего на нем помешательства и его желания превратить меня в боевую пиар-единицу.

Наверное.

– Ничего?

Покачала головой и, демонстративно сунув режиссерский выделенный или выделенный режиссером смартфон в сумку, вернулась к распаковыванию Рихтова подарка. Спасибо ему, настаивать на продолжении темы Гроу он не стал, и когда я активировала номер сканированием радужной оболоч-

ки², просто кивнул в сторону заповедного аэротранспорта. Как раз в это время из аэробаса высыпали остальные, и я не стала задерживаться. Вальцгарды неотступно следовали за нами, а их присутствие добавляло «приятных» ощущений.

На меня снова все палились, и от этого хотелось кусаться. Больно.

Несмотря на то, что мест в выбранном Гроу аэрокаре еще было предостаточно, я залезла в пустой. Села спиной к режиссеру с Сибриллией, рядом со мной тут же устроилась охрана, и оттеснив одного вальцгарда, ко мне втиснулся Ленард.

– Ты чего такая мрачная?

– Я не мрачная, я серьезная.

– А серьезная почему?

Если у меня когда-нибудь будут дети, я сдам их няне без зазрения совести.

– Потому что рядом со мной охрана, и меня это бесит.

Охрана покосилась на меня с двух сторон. А я что? Я им предлагала снаружи подождать.

– Seriously бесит? Это же круто! – Ленард удивленно взглянул на меня.

– Чем?

– Ну... можно представить, что ты летишь на какую-то

² Личный номер мобильного телефона в Аронгаре у человека один на всю жизнь. На новых смартфонах активируется сканированием радужки. Исключение – служебные номера.

секретную миссию в сопровождении двух помощников.

Да, и секретная миссия называется: «Сыграй сцену номер семнадцать так, чтобы Гроу потерял челюсть в кустах».

– Или что тебя похитили злодеи, и тебе надо сбежать.

– От нас сбежать невозможно, – заявил тот самый брюнет. Таким тоном, что я чуть не проглотила жвачку, которую только что отправила в рот вместо завтрака.

Зато Ленард пришел в полный восторг.

– Круто! Они тебе даже подыграют.

Летающая вагонетка наполнилась, и вслед за первой взяла курс на съемочную площадку в заповеднике. Учитывая, что шли мы по диагонали, теперь я снова могла видеть Гроу и Сибриллу, чьи волосы развевались на ветру в лучших традициях жанра рекламных роликов. Интересно, долго она потом будет их расчесывать, или ее фиксатор склеивает волосинки так, что даже торнадо с ними справиться не под силу?

Почувствовав на себе пристальный взгляд Рихта, посмотрела на него.

Сидевшая рядом Гелла фыркнула и отвернулась к ассистентке, после чего я сделала вид, что люблюсь восходом над Саолондарским ущельем. Восход был красивым: солнце разогревало камень и скользило по листьям, добавляя яркости гораздо круче, чем самый навороченный фильтр.

Когда мы выгрузились у трейлеров, Гроу хлопнул в ладоши:

– Начинаем со сцены номер семнадцать, потом досъемки.

Быстрее закончим – быстрее вернемся в Зингсприд. Полетели!

Интересно, если Сибриллу пнуть, она полетит?

Не знаю, как насчет Сибриллы, а вот меня слегка отбросило в сторону, когда Гелла зацепила меня плечом, шагая к трейлеру. На полном ходу.

Желание высказать ей все прямо на месте перебил Рихт.

– Танни. На пару минут.

Мы чуть отошли в сторону, пока съемочная группа растеклась по позициям: кто на берег – настраивать аппаратуру, кто в трейлеры, кто-то – как Ленард – гулять, дышать свежим воздухом и ждать досъемок. Я бы и сама сейчас с большим удовольствием погуляла вместо того, чтобы сидеть в трейлере и терпеть затянувшийся ПМС Геллы, но видимо, у меня без вариантов.

– Слушай. – Рихт коснулся моего запястья, переключая внимание на себя. – Поскольку мы с тобой говорим откровенно...

Мне уже начинать бояться?

– Мы с Геллой познакомились, когда меня утвердили на роль, – Рихт провел рукой по волосам, глядя куда-то в сторону, но потом снова посмотрел на меня. Внимательно и очень серьезно: – Мы с ней встречались, Танни.

Ну супер.

То есть вот это вот все было, потому что «мы с ней встречались».

– Спасибо, что сказал, – сообщила я. – А главное – свое-
временно.

– Ты сейчас о чем? – Рихт нахмурился.

– О том, что у твоей бывшей плохое настроение всякий раз, когда она меня видит, а я узнаю об этом только сейчас.

– Что значит – плохое настроение? Она тебе что-то сказала?

Обернулась на вальцгардов: парни попались понимающие и не вторгались в личное пространство, за что им большое спасибо. Не тот это момент, который я бы хотела обсуждать при них. Если честно, этот момент я вообще не хотела бы обсуждать.

– Забей, – я махнула рукой.

– Не собираюсь я забивать, – Рихт шагнул ближе, и мне пришлось задрать голову, чтобы смотреть ему в глаза. – Танни, для меня это важно.

– Важно, что мне сказала Гелла?

– Важна ты.

– Со мной все в порядке, – я сунула руки в карманы.

– Опять закрываешься?

– Эй, влюбленные! – ехидный голос Геллы разорвал паузу моего неответа. Она вышла из трейлера и сейчас стояла, сложив руки на груди. – Я, конечно, понимаю, что у вас гормоны, и что я нереально крута, но за полчаса я грим все равно не сделаю. Так что...

Она вскинула брови, а потом развернулась и взлетела по

лесенке. Хлопнула дверь.

– Слышал? – поинтересовалась я.

– Танни, – Рихт перехватил меня за руку, потому что я собиралась его обойти. – Мы расстались, потому что она не была готова к новым отношениям.

– Серьезно?

– Серьезно. Это не моя тайна, и не мне тебе ее рассказывать, но...

– Да не надо мне ничего рассказывать! – я отняла руку. – У тебя, похоже, тот же прикол, что и у Гроу: собери всех девушек съемочной группы и получи плавки с надписью «дракон года». Все, мне пора.

Спину мне пробуравили взглядом, но я не обернулась. Поднялась в трейлер, швырнула сумку на подставку и плюхнулась в кресло перед зеркалом.

– Лицо попроще сделай, Ладэ, – фыркнула Гелла.

– Только после тебя, – огрызнулась.

Начинались старые-добрые съемочные будни.

Ну или продолжались, потому что впереди маячила заезженная «сцена номер семнадцать», которую мне предстояло играть на глазах Гроу. И Сибриллы, чтоб ее дракон сожрал и вернул в мир непереваренной, но через задний проход. Ассистентка Геллы врубила переносной кондиционер на максимум, что в общем-то можно было понять: под солнышком в Саолондарском ущелье мы бы мигом превратились в барбекю, если бы не он. Тем не менее у меня опять заболело гор-

ло и пришлось лепить на шею еще одну пластинку. А потом быстренько (пока Гелла не взялась за лицо), еще и на нос.

В голове порхали виарчики и рычали дрангхатри, поэтому когда Гелла задала вопрос:

– Ты в порядке? – я не сразу поняла, что обращаются именно ко мне.

– В порядке, – сообщила я спустя минуту мыслительных умозаключений.

– Я уже думала, что стала невидимкой. Не мое дело, но по ходу, у тебя температура, Ладэ.

– Не твое, это точно, – хмыкнула я. – И по-моему, температура у тебя. Иначе с чего тебе так трогательно обо мне волноваться?

Гелла изменилась в лице.

– Да мне по чешуе, что с тобой будет.

– Во-от, это уже больше похоже на правду.

Больше мы с ней не разговаривали, а после кофе, которое мне принесла одна из ее помощниц, в голове относительно прояснилось. Это относительно я использовала на разучивание сценария, точнее, на повторение сценария, потому что если мы еще пару дней поснимаем эту сцену, я смогу играть ее посреди ночи даже во сне.

Стараниями Геллы и ее ассистенток образ Ильеррской как всегда был закончен вовремя, точнее, за две секунды до того, как дверь приоткрылась, и в трейлер заглянула Сибрилла.

– Девочки, вы уже готовы?

Не знаю, скрежетнули это мои зубы, или мой стул о краешек стола, но ее ледяной низкий голос вызывал сейчас только одно желание: взять ледокол. Вернусь в номер – первым делом удалю из списка покупок и прослушивания «Ледяную бурю». И все остальные треки из Сибриллинго альбома заодно.

– Готовы, – хмыкнула Гелла.

– Чудесно, – Сибрилла ослепительно улыбнулась. – Пойдем, Танни.

Нет, она издевается, да?

Да, она издевается. Я видела это в ее глазах, под маской фальшивой дружелюбности. Поэтому сейчас молча направилась к выходу, игнорируя улыбку на ледяной физиономии. Обойти иртеханессу, увы, не представлялось никакой возможности: она раскорячилась в проходе, как виар по естественной нужде. Пришлось ждать, пока ее бледнейшее сползет по ступенькам. Грациозно, как правительница предочи толпы выходит на балкон, и только потом следовать за ней. Точнее, ее обгонять – благо, я не гордая, пройду по травке.

– Не боишься запачкать костюм? – ударило мне в спину.

– Боюсь, – хмыкнула я. – Именно поэтому решила держаться от тебя подальше.

Вальцгарды топали за нами, и мне подумалось, что можно попросить их выкинуть Сибриллу в реку. Ну, наверное.

– Думаю, нам стоит кое-что сразу прояснить, Танни.

Да, пожалуй, так будет лучше.

Резко обернувшись, и Сибрилла чуть не влетела в меня. Вот когда на этом лице проступали истинные чувства (хищность пополам с ядовитым раздражением), ей оно удивительно шло.

– Ребят, подождите чуть подальше, а? – попросила охрану. Не хотела, чтобы со стороны выглядело так, что я прячусь за спинами Леоны и Рэйнара.

Надо отдать им должное, вальцгарды все-таки отошли, оставив нам возможность пообщаться наедине.

– Не знаю, чего ты добиваешься, – сказала я, сложив руки на груди. – Но добивайся этого подальше от меня, о'кей?

Сибрилла наклонила голову. Да, она умудрялась стоять на утоптанной земляной дорожке в своих идиотских шпильках и не проваливаться. Генератор невесомости проглотила, что ли?

– Боюсь, так у нас с тобой ничего не получится.

– Надеюсь на это, – я мило улыбнулась. – А теперь, если мы все прояснили, я пойду.

– Не все, – прежде чем я успела отойти, Сибрилла шагнула ко мне, удивительно пластично. – Видишь ли, Танни, здесь все знают тебя, как вспыльчивую и претенциозную особу, которая держится за имя своей сестры.

Началось в заповеднике утро.

– Но я так не думаю. Я думаю, что ты достаточно артистична, иначе бы ты вряд ли зацепила Джермана.

Это сейчас такой комплимент был?

– Поэтому я хочу, чтобы ты сразу себе уяснила: у нас с Джерманом идеально совпадают огни. Совпадают настолько, что мы с ним станем парой в самом ближайшем будущем.

*Если штепсель совпал с розеткой,
Их стыдливо прикрой статуэткой.
Потому что негоже детям
На такое смотреть по утрам.
Если штепсель совпал с розеткой,
Значит скоро появятся детки,
Если пленку предохранительную
Не поставить парам-нам-нам.*

Я едва удержалась от того, чтобы процитировать этот пошляцкий стишок, который со времен средней школы (той, в которую я еще в старом районе ходила), прочно засел мне в память. В старом доме действительно еще были штепселя и розетки (не знаю, есть ли они сейчас), но с безопасными панелями я познакомилась только когда мы с Леоной переехали на Четвертый Остров в новую квартиру.

– Это очень любезно с твоей стороны, – сообщила я, – что ты делишься со мной такими интимными подробностями. Надеюсь, мне не придется выслушивать про то, в каких именно позах вы совпадаете? Я, конечно, уже перешагнула рубеж шестнадцать плюс, но порнуху не люблю.

Ну наконец-то выражение лица Сибриллы перестало напоминать лицо заколдованной сказочной иртханессы, обожравшейся маларрнелы, и превратилось в то, что она в себе содержала: в подмороженный сок лица без подсластителя.

– Тебе не кажется, что ты слишком много себе позволяешь? – процедила она, раздувая ноздри.

– Не-а. И это я еще не начинала, можешь мне поверить. Поэтому когда в следующий раз полезешь ко мне с откровениями, имей в виду, я скажу вслух все, что думаю, невзирая на лица. Даже если потом ты опять побежишь жаловаться Гроу и будешь строить из себя недобитую виари. Все? Прояснила все, что хотела?

– Ритхарсон, Ладэ! – режиссерский голос прозвучал ну очень некстати. – Вы мне предлагаете снимать Ильеррскую без Ильеррской?

– Джерман, я вытащила ее из трейлера пятнадцать минут назад.

Реально? Я пятнадцать минут своей жизни убила на эту драную ледоконицу?

– И вы пятнадцать минут шли три метра?

Я не оборачивалась из принципа. Хотя нет, не из принципа: боялась, что не сдержусь, и этому драконосамцу в полной боевой готовности выскажу все, что о нем думаю. Прямо здесь. Тоже невзирая на лица.

Пара, чтоб его.

Сначала он, значит, почти совпадал с Леоной. Теперь

очень хорошо совпадает с Сибриллой. Да пусть обсовпадается, ящерица в затянувшемся приступе перевозбуждения!

В отличие от меня Сибрилла направилась прямо к нему, и теперь ее голос уже звучал из-за моей спины:

– Я остановилась буквально на пять минут. Хотела наладить с Танни отношения...

Че-го?!

Вот теперь уже я не выдержала и повернулась к ним.

– Но она снова начала огрызаться.

Последние слова застигли меня на взгляде Гроу: глаза в глаза, и этот драконов взгляд, чтоб его владельцу до конца жизни воздерживаться, обжег так, что каждая косточка в теле превратилась в раскаленный стержень, по которому побежал ток.

– Ладэ, я неясно выразился? – жестко произнес он. – На съемочной площадке мы друг друга не цепляем.

Вот лучше бы молчал, честное слово.

Я приблизилась к ним, точнее, к нему: Сибрилла-ума-хватило отскочила в сторону, в кои-то веки не грациозно, иначе я бы ее просто отпихнула в сторону.

– Да ладно? – спросила, глядя ему в глаза. – То есть цеплять – это только тебе позволено?

– Следи за своим языком, Ладэ.

– Это ты следи за своим, – хмыкнула я. – А то лезет во все труднодоступные места всех легкодоступных особ, которые мне потом сообщают об этом, очевидно, с целью наладить

отношения.

После этого, не считая театрального вздоха со стороны, и шагов вальцгардов, явно посчитавших обстановку накалившейся, над нами повисла тишина. Сквозь заливающий темные глаза Гроу зеленый огонь, отчетливо проступали вертикальные зрачки, черты лица обретали знакомую звериную хищность.

– Извинись, Ладэ, – произнес он.

– Перед кем? – уточнила я.

– Сначала перед Ритхарсон.

Ага, щас. Десять раз.

– Ну, если Ритхарсон для начала извинится передо мной, – я сложила руки на груди. – Потому что у меня серьезная моральная травма. Ее откровения по поводу совпадения ваших фитильков повергли меня в глубокий эстетический шок, потому что признаться честно, мне откровенно начхать, что там у вас горит, и в каких местах.

Зрачки дернулись, располозовав радужку.

– Штраф, – сказал Гроу, если можно так назвать рычание, в которое вплеталась человеческая речь. – В размере десяти процентов от гонорара.

Из-за низких интонаций буква «р» располозовала сгустившееся напряжение, как если бы к нам сюда и правда спустился дракон.

До меня дошло, что он сказал, только когда я выдрала себя из гипнотического поля зеленого огня, отвлекшись на вальц-

гарда.

Штраф, значит?!

Мне?!

– Да подавись, – сказала я и попыталась его обойти, но мне слагбаумом планшета перекрыли дорогу.

– Второй будет двадцать, Ладэ. Учти это.

Краешком планшета меня подвинули назад: чтобы не мешалась на пути, видимо. Драконьим взглядом тоже зацепило самым краешком (потому что основной предназначался точно не мне), и этого хватило, чтобы внутри полыхнул огонь. Я дернула планшет из режиссерских рук и шваркнула им в ближайшее дерево. Как раз над головой Сибриллы, она едва успела пригнуться, закрывая голову руками.

Хрясь!

Режиссерская навороченная штукавина приказала долго жить, свалившись прямо к ногам резко побледневшей ледя-нессы.

– Выписывай второй, – процедила, глядя Гроу в глаза, кивнула себе за спину. – И это не забудь включить в счет.

Крылья носа дракона хищно дрогнули, но я уже его обошла.

И, не оборачиваясь, направилась к реке.

С таким настроем не сцену номер семнадцать играть, а драконов останавливать, но драконов тут поблизости не наблюдалось. Точнее, наблюдалось целых полтора, но ни с чистокровным, ни с половинчатым я больше не хотела иметь

ничего общего, кроме сугубо деловых отношений.

Правда, переключиться между деловым и неделовым оказалось достаточно сложно, особенно когда драконоособь мужского пола меня обогнала, направляясь к помеченному кружочком месту съемок. Ладно, кружочков там не было, зато мне ткнули в искомое место с таким видом, что если я прямо сейчас не встану прямо сюда, на меня дохнут огнем, и я сама превращусь в фитилек.

Это я выполнила. Демонстративно, подчеркнуто вежливо, с такой непробиваемой физиономией, что мне могла позавидовать скала из Саолондарского ущелья. Стоя на этом самом месте и замечая всех, кого угодно, кроме вышеобозначенной особи, я себя уговаривала, что нужно просто включить режим «Ильерская» и станет проще. По крайней мере, не будет возникать такого чувства, что у меня сейчас и впрямь случится извержение, и камешками, на которые меня расфигачит, прилетит всем окружающим.

Даже до Рихта достанет, хотя он сейчас задницу морозит в бодрящей речной водичке.

Штраф.

Мне!

За это... недосовпадение!

Да чтоб они в процессе к кровати примерзли, и это показали по всем каналам. Так и вижу заголовки: «Знаменитого режиссера с трудом отодрали от его ледяной пары».

– Ладэ, – подал голос знаменитый режиссер. – Сейчас бу-

дет дубль. Напоминаю, что Ильеррская идет купаться, а не дракона останавливать.

Да ты ж мой чешуйчатый! Какого набла ты говоришь моими мыслями?

– Я учту, – заметила я. – Надеюсь, на этот раз никакой дракон дубль не заперет.

В его глазах снова вспыхнуло пламя, но я уже отвернулась. Вдохнула воздух, который показался мне просто ледяным, отбрасывая остатки реальности, крошащейся вокруг меня на части. В конце концов, битый тэрринг мне цена, если я не смогу справиться со своими чувствами и сыграть. Не смогу сейчас переключиться – дам им очередную возможность шлепнуть меня по ушам.

Сибрилле, Гроу, Гелле.

Даже Мелора, уверявшая, что я не актриса, порадуетя. Из высокой башни Ярлисов под домашним арестом, или где там держат провинившихся иртханов до оглашения приговора.

Нет уж, пусть всеми чешуйками облиняют, но такого удовольствия я им не доставлю.

Поэтому к моменту, когда прозвучало:

– Приготовились! – я уже была спокойна, как обожравшийся виар.

Ровно настолько, чтобы с профессиональным безразличием встретить и проводить отзывающийся в груди огнем голос:

– Полетели!

– Танцующая для дракона, сцена семнадцать, дубль четвертый.

Ортахарна удивительно привычно осталась за спиной, а я шагнула в Огненные земли далеких времен. Шла навстречу звенящей прохладе, чтобы разбавить зарождающийся под солнцем зной. Расплетала волосы, чувствуя льющиеся под пальцами пряди. Вышла на берег, ударившись взглядом о каменную спину застывшего в воде мужчины, замерла.

Мгновение, пока я пыталась справиться с охватившими меня чувствами, оборвал он.

– Ты всерьез считаешь, что я не чувствую тебя, девочка?

Резкий разворот – и взгляд, навывлет – в упор.

Бегущий по венам огонь, питаемый его взглядом, который, кажется, способен испепелить не только мою одежду, но всю меня.

– Подойди.

Вода показалась холодной: невыносимо холодной, если не сказать ледяной. Возможно, из-за пламени, что бушевало внутри.

– Ты так сладко пахнешь, – слова змеились по телу огненными лентами.

Этот взгляд не просто обжигал, он клеймил, и я рванулась назад.

– Нет!

– Она выбрала меня, девочка. И ты знаешь это не хуже меня.

– Она – не я! – выдохнула резко. Яростно, отражая его темный взгляд. – Я вашей не стану! И уж тем более вы никогда не станете для меня первым.

Воздух из меня выбило за один удар, и на смену ему пришел огонь. Огонь его прикосновения, прикосновения спиной к раскаленной груди, от которой одежда не задымилась лишь потому, что мы стояли в воде.

– Теперь, – жесткий, сильный, злой голос разъяренного дракона, – ты только моя, девочка. Лучше тебе запомнить это сразу.

Скольжение его ладони по коже вряд ли можно было назвать лаской, никогда еще я не чувствовала так болезненно-остро, яростно, жестко. Никогда еще так не отзывалась на этот собственнический, властный призыв, рождающий внутри полубезумное желание покориться выжигающему мое тело огню. Огня становилось все больше, и вода только чудом не шла вокруг нас пузырями, вместо дыхания с губ срывалось раскаленное марево, а небо плыло перед глазами.

Поэтому когда с берега прозвучало:

– Стоп. Снято! – я с трудом вернулась в реальность.

Она (реальность эта) мельтешила перед глазами, в высоту неба вплетались разноцветные точки, а рука Рихта на моем бедре казалась просто ледяной. Так же, как и вода. Я вдруг осознала, что меня начинает потряхивать.

– Танни, – он развернул меня лицом к себе, – ты вся го-ришь.

– Мне это по сценарию положено.

– Издеваешься?!

– Да, и если ты меня сейчас не отпустишь, я отдавлю тебе ногу.

Торчать в воде дольше положенного съемками я не собиралась, поэтому шустро направилась на берег, оставив Рихта самого разбираться со своими заморочками. На берегу меня встретила ассистентка Геллы с пледом и кофе, но если в плед я с благодарностью завернулась, то кофе поперхнулась и закашлялась: он обжег и без того больное горло. Тяжелый режиссерский взгляд я проигнорировала, равно как и его желание вколотить меня им в землю по самую маковку. Не родился еще тот дракон, который может меня затоптать.

– Передохнули? Досъемки восемнадцатой. Выдвигаемся. Восемнадцатая – это где Теарин танцевала на высоте?

Рихт шагнул к нам:

– Джерман, у Танны температура.

Да чтоб его закололо пледяными шерстинками!

Меня окинули режиссерским взглядом:

– У тебя температура, Ладэ?

И как-то так слишком внимательно спросили: настолько, что мне захотелось полить Гроу кофе. Вот меньше всего мне сейчас сдались его взгляды. Можно подумать, ему не начхать.

– Конечно, – отозвалась язвительно. – Я же живая.

– Я задал тебе вопрос, Ладэ.

– Нет у меня температуры, – я вернула стаканчик и плед ассистентке. – Мы будем снимать, или может, сразу давление мне измерим? И посчитаем кровяные тельца?

У Гроу дернулась бровь.

– Выдвигаемся.

Не глядя на Рихта, я вместе с операторами направилась к подъемной платформе (ее подогнали к скале, чтобы меня доставить наверх). Сквозь странный шум в ушах до меня дошло, что на платформу вместе со мной погрузился драконо-режиссер. Опираясь спиной о металлический блокиратор, не позволяющий свалиться отсюда даже спяну, хмыкнула:

– Будешь камеры строить, чтобы снимали, как положено?

В прошлый раз со мной наверху не было никого, только я и летающие камеры, которыми операторы управляли с земли.

– Буду смотреть вживую, все ли меня устроит, – хмыкнул Гроу. – Потому что кто-то разбил мой планшет, и с земли смотреть на то, что получается, я не могу. А теперь слушай внимательно: все, что тебе нужно сделать, это стоять на краю и смотреть вперед. Секундное дело, но очень важное.

Его слова звучали в голове эхом, но слушала я внимательно. Потому что «смотреть на краю и стоять вперед» отчетливо отпечатались у меня в сознании.

Как назло, меня начало потряхивать: то ли от ветра, который ознобом проходил по коже, то ли Рихт был прав, и у меня на самом деле случилась температура.

– Стоишь на краю, Ладэ. Теарин собирается спускаться и смотрит на реку, это будет кадр перед тем, как зритель увидит Даармархского ее глазами. Все поняла?

– Ага.

Выслушав стандартные команды, приблизилась к краю, глядя на реку, как и положено.

– Стоп. Снято.

Ну и чудесно, подумалось мне.

А потом я с какой-то радости опустила взгляд: туда, где камень скалы стремительно уходил вниз, врезаясь острым краем в землю. Перед глазами сгустилась ночь, и я вслед за камнем рухнула прямо в эту темноту.

В номере было темно и душно, как если бы в нем сломался кондиционер. Я ворочалась с боку на бок, но потом все-таки поднялась и направилась к балконной двери, чтобы ее открыть и впустить глоток свежего воздуха. Стоило мне потянуть ее в сторону, как перед глазами мелькнуло лицо Мелоры.

«Вниз!» – скомандовала она.

И я поняла, что руки меня не слушаются. Ноги тоже больше не слушаются, а покорно несут к перилам, хотя все внутри сжимается от осознания того, что должно случиться. Я знала, что за дверями стоят вальцгарды, но не могла произнести ни слова, не могла позвать на помощь, не могла открыть рта.

Отложенный приказ: так, кажется, это называл Рэйнар.

Именно этот приказ сейчас толкал меня вперед, заставляя взбираться на балконное ограждение. Перед глазами мельтешили огни, я уже знала, что сейчас произойдет, и тщетно пыталась остановиться. Тщетно, потому что искаженное яростью лицо Мелоры снова возникало перед глазами, губы беззвучно шевелились.

«Вниз».

Я шагнула и полетела в темноту, раскрывающуюся передо мной бездной. Только сейчас поняла, что приказ выполнен, и что я снова могу управлять телом, поэтому закричала. Закричала отчаянно, во всю силу легких, понимая, что на этот раз никто меня не спасет, и за падением неизбежно последует удар.

– Танни!

Меня тряхнуло прямо в воздухе, в этой непроглядной тьме, перевернуло, швырнуло в сторону, и я забилась, пытаюсь ухватиться хоть за что-то в стремительно ускользающей высоте.

– Танни, дракона твоего, Ладэ! Да проснись же!

Удар действительно последовал, только не такой, какого я ждала. Меня впечатало в стену, которая почему-то оказалась горячее и не такой жесткой, как должна быть, а потом еще раз тряхнуло, изо всех сил. Только после этого я поняла, что стена с какой-то радости держит меня руками, а еще от нее подозрительно пахнет горчинкой кофе и сигаретами.

Широко распахнула глаза и обнаружила, что Гроу прижимает меня к себе, вглядываясь в лицо. И что между нами только преграда покрывала.

– Твою!.. – взвизгнула я, отпрянув назад.

От неожиданности он меня отпустил, и я повалилась на подушки, как виаренок после первого неудачного полета.

Понемногу до меня доходило, что все это был сон, а вот что Гроу делает в моем номере, на моей, между прочим, постели, до меня никак дойти не могло.

– Ты что здесь делаешь?!

– Сижу, – сообщил он.

Режиссер и правда сидел, подогнув под себя ногу, с таким видом, словно это не моя кровать, а его. Хотя, если присмотреться... действительно его. Это был драконорежиссерский номер, мой отличался от него только зеркальной обстановкой. То есть диван точно должен был стоять у другой стены, а кровать – наоборот, на его месте.

– Что я здесь делаю?! – выпалила я, понимая, что в токшоу «Эсса Оригинальный Вопрос» мне путь заказан.

– Лежишь, – у него как-то подозрительно раздулись ноздри. – И не благодари.

– За что?

– За что?! За то, что ты чуть не кувыркнулась носом в камушки со скалы, Ладэ! – прорычал он, подавшись ко мне. – Ты в курсе, что тебе еле-еле сбили температуру в медпункте заповедника? В курсе, что такая температура может сде-

лать с мозгами человека? Хотя сдается мне, тебе это уже не страшно!

От такого заявления я очешуела, если не сказать больше.

– За своими мозгами следи! А то сдается мне, их тебе отморозило! – рыкнула я, выпрямляясь.

Совершенно забыв о том, что под одеялом ничего нет.

То есть есть я, но на мне ничего нет.

Гроу натурально залип. Точнее, его взгляд залип на моей груди, на мгновение, но этого хватило, чтобы я снова вспыхнула. По ходу, с температурой в медпункте справились не до конца.

– Что, сисек никогда не видел? – поинтересовалась, подтягивая одеяло чуть ли не до подбородка и искренне желая драконорежиссеру провалиться хотя бы сквозь кровать. Хотя сейчас провалиться грозило мне, потому что под его взглядом я продолжала полыхать и запросто могла прожечь голой пятой точкой дырку.

Голой.

Пятой.

Точкой.

Дракона. Твоего. За ногу.

– Кто меня раздевал?! – поинтересовалась я, сжимая края покрывала так, что они вот-вот готовы были треснуть.

– Тебе правду сказать, или пощадить твое самолюбие? – поинтересовался он.

– Я тебя убью, – пообещала я. – Сейчас выкопаюсь отсюда

– и убью.

– Раздевал тебя я, – с наслаждением произнес этот драконогад. – Хотя сдается мне, ты бы предпочла Паршеррда.

На этом моя толерантность к двуногим ящерицам дала сбой, и я с рычанием бросилась на него, намереваясь по меньшей мере вlepить пощечину, а по большей – доломать нос. Чтобы не мог так ехидно ухмыляться.

Гроу перехватил меня за запястья, глаза его снова полыхали. Такой звериной хищной силой, которая отдавалась в каждой клеточке моего тела жалящими искрами.

– Не любишь правду, Ладэ? – поинтересовался он.

– Не люблю двойные стандарты, – рыкнула я, чувствуя, что покрывало снова ползет вниз. Только на этот раз между мной и Гроу остается всего одна тоненькая рубашка.

– И в чем же, спрашивается, заключаются двойные стандарты?

– Я бы загнула пальцы, но не могу, – процедила ему в лицо. – Впрочем, могу перечислить так: тебе можно совать меня носом в дерьмо, а когда я делаю то же самое, получаю штраф. Тебе можно шлаться со своей местрель Ледяная Задница Ферверна где угодно, а если я появлюсь на улице с Паршеррдом, получу штраф. Так вот, знаешь, что я тебе скажу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.